

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД

АУТЕНТИЧНЫЙ ТЕКСТ РАЗМЕЩЕН
НА САЙТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

www.echr.coe.int

В РАЗДЕЛЕ HUDOC

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «МАГНИТСКИЙ И ДРУГИЕ против РОССИИ»

(жалобы №№ 32631/09 и 53799/12)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

27 августа 2019 года

Вступило в силу 27 ноября 2019 г.

Настоящее постановление вступило в силу в порядке, установленном в пункте 2 статьи 44 Конвенции. Может быть подвергнуто редакционной правке.

«Магнитский и другие против России»,
Европейский Суд по правам человека (Третья секция), заседая
Палатой, в состав которой вошли:
Винсент Э. Де Газтано, *Председатель*,
Георгиос А. Сергидес,
Хелен Келлер,
Дмитрий Дедов,
Мария Элосеги,
Гилберто Феличи,
Эрик Веннерстром, *судьи*,
и Стефен Филлипс, *Секретарь Секции*,
Проведя заседание за закрытыми дверями 2 июля 2019 года,
вынес следующее постановление, утвержденное в вышеуказанный
день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано на основании двух жалоб, поданных в Европейский Суд против Российской Федерации в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — «Конвенция») тремя гражданами Российской Федерации.

2. Первая жалоба (№ 32631/09) была подана Сергеем Леонидовичем Магнитским (далее — «первый заявитель») 11 июня 2009 года. 24 марта 2010 года его супруга Наталья Валерьевна Жарикова (далее — «второй заявитель») сообщила Суду о смерти ее мужа 16 ноября 2009 года и выразила желание добиваться рассмотрения этой жалобы, а также подала дополнительные жалобы.

3. Вторая жалоба (№ 53799/12) была подана матерью первого заявителя Натальей Николаевной Магнитской (далее — «третий заявитель») 21 августа 2012 года.

4. Первоначально интересы Магнитского и его вдовы представляли Д. Харитонов и Э. Орешникова, адвокаты, практикующие в г. Москве. Интересы второго заявителя представляли юристы «Правовой инициативы», среди которых его исполнительный директор Дж. Голдстон. Кроме того, указанные юристы представляли интересы третьего заявителя.

5. Интересы властей Российской Федерации (далее — «Власти») изначально представлял Г. Матюшкин, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека, а затем — его преемник на этом посту М. Гальперин.

6. Первый заявитель в частности утверждал, что условия его содержания под стражей были ненадлежащими, что его содержание

под стражей не имело оснований, а также то, что продолжительность содержания была необоснованной.

7. Помимо повторения жалоб первого заявителя, второй заявитель жаловалась на то, что Магнитский скончался ввиду отсутствия должной медицинской помощи в период нахождения под стражей, и что уголовное разбирательство по его уголовному делу было несправедливым.

8. Третий заявитель, в частности, жаловалась на то, что государство не смогло защитить жизнь ее сына. Она также утверждала, что он подвергался жестокому обращению со стороны сотрудников учреждения и что Власти не смогли провести эффективное расследование обстоятельств смерти ее сына. Наконец, основываясь на статье 6 Конвенции, она жаловалась на вынесение посмертного обвинительного приговора и настаивала на нарушении принципа презумпции невиновности, закрепленного в пункте 2 статьи 6 Конвенции.

9. 28 ноября 2014 года Власти были уведомлены о вышеуказанных жалобах, а дополнительные жалобы были объявлены неприемлемыми в соответствии с пунктом 3 Правила 54 Регламента Суда.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

10. Первый и второй заявители 1972 года рождения. До задержания Магнитского они совместно проживали в г. Москве. После смерти Магнитского его вдова — второй заявитель, переехала в Лондон.

11. Третий заявитель, 1952 года рождения, проживает в г. Москве.

A. Фактические обстоятельства

12. Первый заявитель являлся руководителем отдела налогов и аудита московского отделения ООО «Файерстоун Данкен», компании, основанной в г. Москве, предоставляющей юридические, налоговые, аудиторские услуги и услуги по бухгалтерскому учету иностранным инвесторам в России. В число ее клиентов входили российские дочерние компании Фонда Эрмитаж (далее — «Эрмитаж»), являвшегося в то время крупнейшим иностранным инвестиционным фондом в России. Его московское отделение возглавлял У. Браудер.

13. В 2006 году три российские дочерние компании «Эрмитажа» — «Парфенион Лимитед», «Райлэнд Лимитед» и «Махаон Лимитед» получили значительный доход и, как следствие, уплатили налоги в

размере 5,4 миллиарда рублей (примерно 230 миллионов долларов США (далее — долл. США). ООО «Файерстоун Данкен» оказывало этим трем компаниям юридические и бухгалтерские услуги.

14. В мае 2007 года следственным отделом МВД по г. Москве было возбуждено уголовное дело № 151231 по факту уклонения от уплаты налогов, предположительно совершенного главой компании «Камея Лимитед» (далее — «Камея»), которая также являлась клиентом «Эрмитажа».

15. 4 июня 2007 г. в ходе проведения оперативно-розыскных действий в компании «Камея» несколько сотрудников следственного отдела, включая сотрудника К., провели обыск в московских офисах «Файерстоун Дункан» и компании «Эрмитаж Капитал Менеджмент», которая являлась консультантом «Эрмитажа». Среди прочих вещественных доказательств были изъяты корпоративные документы и печати компании, не имеющие отношение к компании «Камея».

16. 13 июня 2007 года майор Ка. Следственного комитета при МВД России был назначен главным следователем по данному делу и принял на хранение изъятые в ходе обыска материалы.

17. «Эрмитаж Капитал Менеджмент» оспорила законность обыска посредством подачи жалобы в московскую прокуратуру. Отказ майора Ка. вернуть какие-либо изъятые документы привел к тому, что ООО «Файерстоун Данкен» подало новые жалобы.

18. 16 октября 2007 г. дочерние компании «Эрмитажа» получили письма от акционерного общества «Логос Плюс» (далее — «Логос Плюс»), в которых сообщалось, что 30 июля 2007 года арбитражный суд передал право собственности на три дочерние компании другой компании, в связи с чем «Логос Плюс» подало против них иски на миллиарды рублей.

19. По словам первого заявителя, дочерние компании никогда не имели никаких отношений с «Логос Плюс». В соответствии с информацией, содержащейся в Российском Едином государственном реестре юридических лиц, оказалось, что на основании постановления от 30 июля 2007 года и без ведома «Эрмитажа» эти три дочерние компании были зарегистрированы на имя нового владельца «Плутон Лимитед».

20. После обнаружения этих юридических фактов юристы, действуя от имени этих дочерних компаний, обратились с жалобами к председателю Следственного комитета Генеральной прокуратуры, Генеральному прокурору и начальнику Управления внутренних дел Министерства внутренних дел. В жалобах содержались обвинения против сотрудников полиции, в частности сотрудника К. и майора Ка., которые изъяли документы и печати и предположительно использовали их для совершения мошеннических действий. Юристы утверждали, что перерегистрация трех дочерних компаний на имя

новых владельцев и разбирательство в арбитражном суде против них были незаконными. Они обратились к властям с просьбой возбудить уголовное дело по факту незаконного присвоения трех дочерних компаний.

21. 11 декабря 2007 года Генеральная прокуратура отказала в возбуждении уголовного дела и направила жалобы на предполагаемое мошенническое судебное разбирательство в прокуратуру г. Санкт-Петербурга. 17 января 2008 года прокуратура г. Санкт-Петербурга приняла решение об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием состава преступления. Аналогичные решения были приняты и другими органами власти, в которые подавались жалобы.

22. Тем временем, в декабре 2007 года вновь назначенные руководители трех дочерних компаний подали заявления о возврате налоговых платежей, утверждая, что три компании не получали доходы в 2006 году и, следовательно, они не обязаны были платить налоги, и что налоги, уплаченные в 2006 году, подлежат возврату.

23. Два заявления о налоговых обязательствах на общую сумму более 1,7 млрд. рублей (более 47 млн. евро) и еще пять заявлений на общую сумму более 3,6 млрд. рублей (более 100 млн. евро) были приняты и одобрены налоговыми органами.

24. 26 декабря 2007 года сумма в размере 5,4 миллиарда рублей была переведена из Казначейства Российской Федерации на недавно открытые банковские счета дочерних компаний в банке «Юниверсал Сэйвингс Банк» (далее — «ЮСБ») и банке «Интеркоммерц». В первом квартале 2008 года эти средства были переведены со счетов ЮСБ на счета третьих лиц в различных банках Москвы. Вскоре после этого ЮСБ начал процедуру добровольной ликвидации. Все его документы были уничтожены, когда, по сведениям Министерства внутренних дел, перевозивший эти документы фургон попал в аварию и взорвался.

25. В декабре 2007 года и в январе 2008 года адвокаты, представлявшие интересы трех дочерних компаний, подали апелляции на решения по искам компании «Логос Плюс». В январе и феврале 2008 года эти решения были отменены. Кроме того, апелляционная жалоба на решения от 30 июля 2007 года о передаче трех дочерних компаний новым собственникам была также удовлетворена. Попытки оспорить перерегистрацию компаний с целью недопущения их ликвидации и возвращения контроля над ними законным собственникам, были безрезультатными.

26. 5 февраля 2008 года следователь по особым делам из Следственного комитета Генеральной прокуратуры возбудил уголовное дело на основании обвинений «Эрмитажа» в хищении трех дочерних компаний.

27. В июне 2008 года юристы «Эрмитажа» получили полную информацию о налоговых льготах, предоставленных в декабре 2007

года. Первый заявитель пришел к выводу, что дочерние компании были похищены с целью присвоения налогов, уплаченных в 2006 году. В результате этого вывода «Эрмитаж» и законные представители трех дочерних компаний подали дополнительные жалобы властям, указав тех, кто, по их мнению, нес ответственность за хищение.

28. 5 июня 2008 года в ходе беседы со следователем первый заявитель дал показания относительно смены владельца и возврата налогов трех дочерних компаний, включая предполагаемое преступное поведение и злоупотребление служебным положением сотрудником К. и майором Ка.

29. 21 июля 2008 года «Эрмитаж» подал заявление о совершении преступления с описанием мошеннических действий, предположительно совершенных в отношении трех дочерних компаний, и роль российских должностных лиц в совершении и сокрытии действий. Эти обвинения были обнародованы, и первый заявитель обсудил жалобы с представителями средств массовой информации.

Б. Задержание и содержание Магнитского под стражей

1. Обстоятельства, предшествовавшие задержанию

30. 23 июля 2008 года начальник Следственного комитета Министерства внутренних дел объединил дело в отношении «Камеи» с тремя другими делами об уклонении от уплаты налогов, предполагая, что расследуемые преступления были совершены преступной группой.

31. Одно из объединенных дел, которое было возбуждено в 2004 году, касалось деятельности двух компаний: ООО «Дальняя степь» (далее — «Дальняя Степь») и ООО «Сатурн Инвестментс» (далее — «Сатурн»). В результате налоговой проверки, проведенной в этих компаниях, выяснилось, что они незаконно пользовались освобождением от уплаты местных и региональных налогов, в частности, используя фиктивную занятость инвалидов для получения 50-процентной скидки по уплате подоходного налога. Обе компании были основаны и возглавлялись Браудером.

32. 14 и 17 ноября 2008 года первый заявитель, который предположительно консультировал Браудера по правовым и налоговым вопросам, касающимся деятельности «Дальней степи» и «Сатурна», был вызван в качестве свидетеля по этому уголовному делу. Следователь, который должен был вручить повестку, не нашел его по зарегистрированному адресу и оставил повестку в почтовом ящике.

33. 18 ноября 2008 года Тверской районный суд г. Москвы (далее — «районный суд») санкционировал проведение обыска в квартире

первого заявителя. В постановлении о производстве обыска указывалось, что Магнитский помог «Дальней степи» и «Сатурну» составить и подать налоговые декларации и бухгалтерские отчеты, использованные при уклонении от уплаты налогов.

2. Задержание и заключение под стражу

34. 24 ноября 2008 года милиция произвела обыск в квартире первого заявителя и доставила его к следователю. В тот же день он был задержан по подозрению в оказании помощи в уклонении от уплаты налогов и помещен под стражу в г. Москве.

35. На следующий день следователь допросил его сначала в качестве подозреваемого, а затем в качестве обвиняемого. Первому заявителю были предъявлены обвинения в уклонении от уплаты налогов при отягчающих обстоятельствах по предварительному сговору с Браудером в отношении «Дальней Степи» и «Сатурна».

36. Обвинения были основаны на документальных свидетельствах, касающихся уплаты налогов этими компаниями, и показаниях нескольких инвалидов, которые признались в фиктивном трудоустройстве в этих двух компаниях. Один из них дал показания о том, что он общался с Магнитским, получал от него деньги и помог ему найти других фиктивных сотрудников. Он также сказал, что Магнитский объяснил ему, что говорить в случае допроса, и попросил его участвовать в налоговом споре в качестве свидетеля.

37. В ходе беседы первый заявитель утверждал, что он не составлял и не представлял налоговые декларации от имени этих компаний, что он не организовывал трудоустройство инвалидов и что они не делали вид, а действительно работали на эти компании.

38. В тот же день следователь обратился в районный суд с просьбой санкционировать заключение первого заявителя под стражу. В поддержку обвинений следователь сослался на документальные доказательства, содержавшие выводы налоговой проверки и показания фиктивных работников (см. пункт 36 выше). Следственные органы отметили, что во время налоговой проверки, которая предшествовала уголовному расследованию, Магнитский оказывал давление на свидетелей и готовился бежать за границу. В частности, он подал заявление на получение визы в Соединенное Королевство и забронировал место на рейс в Киев. Эти обвинения подтверждались рапортом сотрудников милиции о неправомерном давлении на свидетелей; докладом Федеральной службы безопасности о заявке первого заявителя на получение визы в Соединенное Королевство; показаниями турагента, который забронировал для него место на рейс; и другими доказательствами.

39. На следующий день районный суд рассмотрел ходатайство о заключении под стражу в присутствии первого заявителя и его

адвоката, которые заявили, что его клиент не собирается препятствовать расследованию или скрываться. Выяснив, что эти утверждения опровергаются материалами дела, суд постановил заключить первого заявителя под стражу до 24 января 2009 года. В постановлении о заключении под стражу говорилось о тяжести обвинений, а также о том, что первый заявитель оказывал давление на свидетелей, не проживал по его зарегистрированному адресу, когда следователь пытался вызвать его, и готовился бежать за границу. Суд также постановил, что в случае освобождения он может продолжить препятствовать расследованию, скрыться или совершить повторные преступления.

40. 15 декабря 2008 года Московский городской суд (далее — «городской суд») оставил постановление о заключении под стражу без изменений.

3. Продление предварительного заключения

(а) Постановление о продлении срока содержания под стражей от 19 января 2009 года

41. 19 января 2009 года районный суд рассмотрел ходатайство следователя и продлил срок содержания первого заявителя под стражей до 15 марта 2009 года. Он указал, что основания, по которым он был помещен под стражу, все еще существуют, и что никаких оснований для изменения меры пресечения не имеется.

42. 16 февраля 2009 года, рассмотрев апелляционную жалобу, поданную первым заявителем, Московский городской суд оставил постановление о заключении под стражу без изменений.

(б) Постановление о продлении срока содержания под стражей от 13 марта 2009 года

43. В ходе слушания, проведенного 13 марта 2009 года по новому ходатайству о продлении срока содержания под стражей сторона защиты утверждала, что первый заявитель не намеревается скрываться от следствия или суда. Этот аргумент подтверждался письмом посольства Великобритании в Москве от 4 марта 2009 года, в котором указывалось, что у посольства не имеется записей о подаче заявления на предоставление визы или о выдаче визы первому заявителю. Сторона защиты также утверждала, что расследование не было проведено с необходимой тщательностью и что в течение длительного времени не проводилось никаких следственных действий с участием первого заявителя.

44. Следственный орган продолжал ссылаться на риск побега первого заявителя, оказания давления на свидетелей или иного воспрепятствования отправлению правосудия в случае освобождения.

Они также утверждали, что длительность расследования обусловлена сложностью дела.

45. Районный суд отклонил доводы стороны защиты. Он отметил, что письмо из Посольства не было подписано, и что заслуживающие доверия доказательства свидетельствуют о намерении первого заявителя покинуть Россию. Он также отметил, что материалы уголовного дела были объемными и сложными. Периодов бездействия в ходе расследования не было. В заключение суд указал, что основания, по которым первый заявитель был помещен под стражу, все еще существуют, и что, следовательно, никаких оснований для изменения меры пресечения не имеется. Он продлил срок содержания первого заявителя под стражей до 15 июня 2009 года.

46. 22 апреля 2009 года городской суд оставил постановление о заключении под стражу без изменений.

(в) Постановление о продлении срока содержания под стражей от 15 июня 2009 года

47. 15 июня 2009 года на слушании по вопросу о дальнейшем продлении срока содержания первого заявителя под стражей, стороны в основном повторили доводы, которые они приводили ранее. Сторона защиты просила районный суд принять во внимание положительные характеристики первого заявителя, а также его семейное положение, а именно тот факт, что он являлся кормильцем двух несовершеннолетних детей и супруги.

48. В своем постановлении, вынесенном в тот же день, суд отказался принять довод об отсутствии риска бегства заявителя, поскольку он уже отклонил этот довод в предыдущих постановлениях о заключении под стражу. Суд установил, что длительность производства по уголовному делу обусловлена сложностью дела и что следственные органы работают над делом с необходимым усердием. Наконец, суд принял к сведению информацию о личности первого заявителя и его семейном положении, но пришел к выводу, что это не может исключить риск его бегства, оказания влияния на свидетелей или вмешательства в расследование. С учетом вышеизложенного срок содержания под стражей был продлен до 15 сентября 2009 года.

49. 3 августа 2009 года Московский городской суд отклонил апелляцию первого заявителя на постановление о заключении под стражу.

(г) Постановление о продлении срока содержания под стражей от 14 сентября 2009 года

50. 14 сентября 2009 года районный суд продлил срок содержания первого заявителя под стражей до 15 ноября 2009 года. Постановление о заключении под стражу было основано на тех же доводах, которые

использовались в предыдущих постановлениях о продлении срока содержания под стражей, поскольку, по мнению суда, они не перестали существовать.

51. Первый заявитель оспорил это решение в апелляционном порядке, но умер до проведения слушания в Московском городском суде, назначенном на 2 декабря 2009 года.

(д) Постановление о продлении срока содержания под стражей от 12 ноября 2009 года

52. 7 октября 2009 года следственный орган вручил первому заявителю новое обвинительное заключение, обвинив его в уклонении от уплаты налогов, совершенном по предварительному сговору с Браудером в отношении «Дальней степи» и «Сатурна», путем неправомерного требования обеих компаний о предоставлении налоговых льгот на основании фиктивной занятости инвалидов и неправомерном освобождении от местных и региональных налогов. Выразив намерение инвестировать средства в экономику Республики Калмыкия Российской Федерации, компании предположительно инвестировали 1 000 рублей (примерно 20 евро), требуя при этом полного освобождения от уплаты налогов (0% вместо 19% налога на прирост капитала). Магнитский был допрошен, а затем ему сообщили, что расследование завершено. 20 октября 2009 года он начал ознакомление с материалами дела.

53. 3 ноября 2009 года, ссылаясь на необходимость того, чтобы первый заявитель изучил материалы дела, власти попросили районный суд продлить срок его содержания под стражей до 26 ноября 2009 года.

54. На слушании, проведенном 12 ноября 2009 года, сторона защиты отказалась прокомментировать ходатайство, утверждая, что у них не было времени для изучения соответствующих материалов.

55. Районный суд счел это утверждение стороны защиты необоснованным. Ссылаясь на риск бегства первого заявителя, оказания давления на свидетелей или иного вмешательства в расследование, а также на необходимость завершения изучения материалов дела, районный суд продлил срок его содержания под стражей.

В. Условия содержания под стражей

56. После задержания первый заявитель содержался в ИВС № 1 и в следственных изоляторах №№ 77/1, 77/2 и 77/5 в г. Москве. В этих изоляторах его не менее двадцати раз переводили из одной камеры в другую.

57. Условия его содержания в следственных изоляторах были предметом внутренней проверки, проведенной в конце 2009 года. Ее

выводы приводятся в отчете от 1 декабря 2009 года (см. пункт 100 ниже).

58. По словам первого заявителя, с 2 декабря 2008 года по 28 апреля 2009 года он содержался в ненадлежащих условиях в следственном изоляторе № 77/5. Изолятор был сильно переполнен. Обычно он находился в камерах площадью от 20 до 30 кв.м. вместе с восемью-пятнадцатью другими заключенными. В нескольких случаях у него не было индивидуального спального места, поскольку число заключенных превышало количество коек. Камеры плохо освещались, не проветривались, и находились в ужасающем санитарном состоянии. Унитаз был отгорожен от остальной части камеры перегородкой высотой в один метр, что не обеспечивало никакой уединенности. Заключенным разрешали принимать душ раз в неделю на протяжении 10 минут. Они также выходили на ежедневные прогулки, длившиеся не более часа в маленьком тюремном дворе. Пища была очень плохого качества. Несколько раз первый заявитель находил в пище червей.

Г. Медицинская помощь, оказанная первому заявителю во время содержания под стражей

59. 14 мая 2009 года Магнитский пожаловался врачу изолятора на сильную боль в спине, доходящую до груди и живота. При глубоком вдохе боль была особенно острой. Поставив диагноз остеохондроз (дегенеративное заболевание межпозвоночных дисков) с болевым синдромом, схожим с межреберной невралгией, врач назначил спазмолитик, обезболивающие и диклофенак.

60. Согласно медицинскому заключению, полученному на более позднем этапе (см. пункт 128 ниже), диклофенак был противопоказан Магнитскому, поскольку он мог вызвать острый панкреатит.

61. В ответ на неоднократные жалобы первого заявителя на жгучую боль в спине 1 июля 2009 года его осмотрел Со., врач следственного изолятора № 77/1. Получив результаты УЗИ брюшной полости, врач обнаружил камни в желчном пузыре и увеличение поджелудочной железы и пришел к выводу о наличии признаков хронического панкреатита и калькулезного холецистита. Было назначено медикаментозное лечение и консультация хирурга.

62. Через одиннадцать дней хирург Г. из больницы следственного изолятора осмотрел первого заявителя и поставил диагноз желчнокаменная болезнь и хронический холецистопанкреатит, подтвердив ранее поставленный диагноз. Хирург назначил медикаментозную терапию, «контрольное ультразвуковое обследование через месяц» и «плановое хирургическое лечение».

63. 18 июля 2009 года первый заявитель снова пожаловался на боль в верхней части живота. При осмотре брюшная полость была умеренно

вспухшей и отмечалась боль в проекционных зонах желчного пузыря и в подложечной области.

64. Через неделю Магнитский был переведен в следственный изолятор № 77/2. По словам заявителей, в изоляторе не было медицинского оборудования необходимого для лечения Магнитского, таких как аппарат УЗИ и хирургические инструменты.

65. В следственном изоляторе № 77/2 первый заявитель не получал медицинской помощи, в то время как в его медицинской карте было указано, что он страдает от панкреатита, и содержалась рекомендация о проведении операции. На следующий день после поступления Магнитский в письменной форме обратился к начальнику изолятора, Ком., с просьбой о медицинской консультации. Спустя две недели, все еще ожидая ответа на его более предыдущую просьбу о визите к врачу и ссылаясь на ухудшающееся состояние здоровья, первый заявитель в письменной форме попросил о встрече с начальником изолятора. Его просьба осталась без ответа. Два дня спустя, 11 августа 2009 года, он подал еще один письменный запрос на прием к врачу, отметив задержку с проведением медицинского осмотра. Эта просьба также осталась без ответа.

66. В течение первых шести недель содержания в следственном изоляторе № 77/2, первый заявитель не получал никаких лекарств. 14 августа 2009 года он попросил разрешения на получение лекарств от своих родственников. Когда 17 августа 2009 года третий заявитель принесла в следственный изолятор лекарства, их по ошибке передали другому заключенному. Принесенные ею лекарства, наконец, были переданы Магнитскому на следующий день после ее встречи с врачом Д.К., начальником медицинской части следственного изолятора, 4 сентября 2009 года.

67. 19 августа 2009 года адвокаты первого заявителя обратились к начальнику учреждения и старшему следователю с жалобой, напомнив им о диагнозе Магнитского и потребовав немедленное ультразвуковое исследование и отчет о лечении, назначенном их клиенту. 2 сентября 2009 года старший следователь отклонил это требование, пояснив, что отказ в проведении медицинских обследований может быть обжалован прокурору или в суд, но закон не налагает на следователя обязанность следить за состоянием здоровья заключенных, и что обвиняемый сам должен обращаться за медицинской помощью в следственном изоляторе. Ответа от начальника изолятора не последовало.

68. 24 августа 2009 года, т.е. через месяц после его перевода в следственный изолятор № 77/2, первый заявитель ощутил острую боль в области солнечного сплетения. К тому времени он постоянно испытывал сильную боль, которая мешала ему лежать. В своем дневнике Магнитский описал события 24 августа 2009 года следующим образом:

«Болезнь настолько обострилась, что я даже не мог лежать. Примерно в 16:00 мой сокамерник стал стучать в дверь, требуя отвести меня к врачу. Надзиратель пообещал позвать врача, но тот так и не пришел, несмотря на повторные требования сокамерника. Меня отвели к врачу только через пять часов. Я сказал врачу о моей болезни и пожаловался, что в течение всего времени моего содержания в следственном изоляторе № 77/2 врач ни разу не осмотрел меня. Она была очень недовольна... сказав, что мне уже оказали медицинскую помощь [в изоляторе № 1], и спросила: «Вы думаете, что мы будем лечить вас каждый месяц?» Она посоветовала мне обратиться к хирургу».

69. Первый заявитель попросил врача Д.К. и начальника медицинской части следственного изолятора об осмотре у хирурга с целью принятия решения о срочном ультразвуковом исследовании и операции. Ответа не последовало.

70. 26 августа 2009 г., когда врач Д.К. проводил обход камер, первый заявитель пожаловался на то, что он не получает лечения. Ему сказали, что в учреждении нет оборудования для проведения медицинского осмотра.

71. 31 августа 2009 года первый заявитель снова поговорил с врачом Д.К., настаивая на ультразвуковом исследовании и операции. Ему пообещали плановую операцию после освобождения, поскольку учреждение не было обязано проводить ее.

72. Два дня спустя врач Д.К., который попросил власти перевести Магнитского в следственный изолятор № 77/1 для проведения медицинского осмотра, сообщил, что перевод может занять не менее трех недель из-за «проблем с транспортом и безопасностью».

73. Адвокаты первого заявителя обратились в Генеральную прокуратуру с жалобой на то, что Магнитскому было отказано в надлежащем медицинском осмотре, адекватном общем медицинском уходе и хирургическом лечении. 9 октября 2009 года должностное лицо из Генеральной прокуратуры отклонило эту жалобу. 30 сентября 2009 года старший следователь вновь отклонил требование о проведении ультразвукового исследования.

74. 7 октября 2009 года, когда первый заявитель был помещен в медицинскую часть следственного изолятора ввиду ухудшающегося состояния его здоровья и с целью проведения «обследования и лечения», начальник изолятора и начальник медицинской части выдали адвокатам первого заявителя справку о том, что состояние его здоровья позволяет содержать его под стражей.

75. 11 ноября 2009 г. администрация изолятора выдала еще одну справку о том, что у Магнитского были диагностированы камни в желчном пузыре, холецистит и острый панкреатит, и что он проходит лечение в медицинской части следственного изолятора № 77/2. В справке говорилось, что состояние его здоровья удовлетворительное и что он может участвовать в судебных слушаниях и следственных действиях.

76. После возвращения в следственный изолятор с судебного слушания ночью 12 ноября 2009 года состояние здоровья Магнитского резко ухудшилось. Он написал врачу Д.К., описав усиление острой боли в области поджелудочной железы, а также появление сильной боли в печени, сопровождающейся рвотой. Он вновь попросил о проведении ультразвукового исследования.

77. Примерно в 22:00 13 ноября 2009 года первый заявитель пожаловался на то, что он находится в крайне плохом состоянии. Фельдшер перевел его в стационарное отделение с диагнозом: хронический холецистит, хронический панкреатит в острой форме. Ему было «предписано то же лечение, что и ранее». Тюремный врач Л., лечившая его, была в то время в отпуске.

Д. Обстоятельства смерти Магнитского

1. Перевод в следственный изолятор № 77/1 и эпизод острого психоза

78. Когда врач Л. вернулась на работу в понедельник 16 ноября 2009 года, она осмотрела первого заявителя в 9 часов утра. Она записала, что его состояние было умеренно тяжелым и что он жаловался на боль в пояснице в правом подреберье. Указывалось также, что у него наблюдается рвота каждые три часа. В 9:30 врач Л. отметила обострение холецистопанкреатита и решила срочно отправить первого заявителя в хирургическое отделение следственного изолятора № 77/1.

79. В 14:29 для перевозки Магнитского была вызвана скорая помощь. В графике вызовов скорой помощи указано, что карета скорой помощи прибыла в следственный изолятор в 14:57, но ее бригаде пришлось ждать сопровождения в изолятор в течение двух часов и тридцати пяти минут.

80. Первый заявитель был вывезен из следственного изолятора № 77/2 около 17:10. Он прибыл в следственный изолятор № 77/1 около 18:30.

81. При поступлении в следственный изолятор № 77/1, Магнитский был осмотрен врачом А.Г. в медицинском кабинете приемного отделения изолятора. Она подтвердила диагноз «острый калькулезный холецистит, острый панкреатит», и описала его состояние как «состояние средней тяжести». Первому заявителю было рекомендовано направление в хирургическое отделение для стационарного лечения.

82. Позже врач А.Г. описала события этого вечера (аналогичная запись была внесена в историю болезни первого заявителя). Она заполняла медицинскую карту, пока первый заявитель находился в металлической клетке в том же помещении. Она отметила, что

Магнитский «стал вести себя неадекватно... он повышал голос и проявлял агрессию». Она пошла в соседнюю комнату, чтобы завершить свои дела, и слышала, как он сказал: «теперь они убьют меня здесь, я невиновен, зачем они привезли меня сюда?». Она вернулась в комнату, где он находился, и увидела, что он мечется внутри клетки. К ней присоединился ее коллега, врач Н. Врач А.Г., подозревавшая острый психоз, побежала в дирекцию, чтобы попросит дежурного сотрудника вызвать группу подкрепления. Около 19:30 прибыли восемь охранников. Она также позвонила в службу скорой помощи и вызвала бригаду скорой психиатрической помощи. Затем она вернулась в помещение, где пациент по-прежнему находился в клетке. Охранники надели на него наручники. В то время к ним присоединился еще один врач, Ма. Врач А.Г. приказала сделать первому заявителю укол, чтобы облегчить боль в животе. В записи в медицинской карте, сделанной в 19:00, говорится, что окончательный диагноз был «острый психоз и мания преследования».

83. Сотрудники, присутствовавшие на месте событий, позднее показали, что наручники были сняты примерно через полчаса после того, как первый заявитель успокоился и его поведение стало адекватным.

84. К тому времени были подготовлены два официальных документа, в которых указывалось, что были применены наручники и резиновая дубинка. В первом рапорте, подписанном сотрудником Куз. указано, что в 19:30 на Магнитского надели наручники для предотвращения самоубийства или причинения себе вреда. Во втором рапорте, подписанном тем же сотрудником и двумя свидетелями, указывалось, что сотрудник Куз. применил в отношении первого заявителя резиновую дубинку, чтобы предотвратить самоубийство или причинение себе вреда. Оба рапорта были утверждены начальником следственного изолятора.

85. Позже сотрудник Куз. и свидетели событий утверждали, что резиновая дубинка не применялась и что она была указана в докладе из-за опечатки.

2. Прибытие бригады экстренной психиатрической помощи и смерть первого заявителя

86. Последующие версии событий, представленные сотрудниками следственного изолятора, медицинским персоналом изолятора и врачами бригады скорой психиатрической помощи об обстоятельствах смерти первого заявителя, отличаются.

87. В частности, в ходе производства по делу о смерти Магнитского сотрудники бригады скорой психиатрической помощи сообщили следователям, что, когда им позволили увидеть первого заявителя, спустя более одного часа ожидания перед зданием следственного

изолятора, он был уже мертв. Они обнаружили его, полураздетого, сидящим на полу камеры спиной к кровати, руки раскинуты, левая нога вытянута, а правая согнута в колене. Под ним была большая лужа мочи. Они заметили отчетливые следы от наручников у него на запястьях. Врачи пришли к заключению о том, что первый заявитель уже был мертв как минимум в течение 15-30 минут, так как его труп уже частично окоченел.

88. Бригада скорой психиатрической помощи включила следующую информацию в свой отчет:

«... бригада прибыла к воротам учреждения в 20:00 16 ноября 2009 года. Доступ в помещения [был] ограничен. Когда мы вошли в медицинскую часть в 21:20, сотрудники сообщили [нам], что пациент скончался... Диагноз: пациент скончался до прибытия бригады скорой помощи».

89. Сотрудник следственного изолятора № 77/1 Мар. утверждал, что, когда бригада скорой помощи вошла, первый заявитель еще был жив, но был в поту и испытывал трудности с дыханием. Однако в другой раз сотрудник Мар. показал, что до прибытия бригады скорой психиатрической помощи он видел, как фельдшер осуществлял искусственную вентиляцию легких первого заявителя с помощью маски с клапаном. Затем первого заявителя положили на носилки и отнесли в отделение интенсивной терапии по распоряжению врача А.Г. Он не встречал и не видел членов бригады скорой психиатрической помощи.

90. В медицинской карте, составленной хирургом изолятора, говорилось следующее:

«В 21:15 [Магнитский] был снова осмотрен в связи с ухудшением состояния его здоровья. В ходе осмотра, проведенного психиатрами, пациент потерял сознание. Фельдшер изолятора начал проводить реанимационные меры (непрямой массаж сердца, искусственное дыхание...).

Согласно этой записи, в 21:20 первый заявитель был переведен в специальную медицинскую палату в корпусе № 7, где в течение тридцати минут сотрудники изолятора, в том числе врач А.Г., продолжили безуспешные попытки вернуть его к жизни. Время смерти Магнитского было зафиксировано — 21:50 того же дня. Свидетельство о смерти было подписано врачом А.Г., фельдшером В., сотрудником Мар. и еще двумя сотрудниками изолятора, включая капитана Пл.

91. Капитан Пл. был допрошен 19 января 2010 года. Он указал, что около 21:00 16 ноября 2009 года он был предупрежден о том, что заключенный в тяжелом состоянии был переведен в отделение реанимации больницы. Примерно в то же время ему позвонил сотрудник Мар., который велел ему составить протокол о смерти заключенного. Как только он составил протокол, он явился в отделение реанимации и подписал свидетельство о смерти.

92. Врач А.Г. заявила, что 16 ноября 2009 года, около 21:20, ей позвонили и сказали, что первый заявитель почувствовал себя плохо. Она пошла в камеру, где увидела его лежащим на полу. Возле него находился сотрудник Мар., а фельдшер осуществлял реанимационные мероприятия. В другой раз она указала, что дежурный врач Н. приступил к осуществлению реанимационных мероприятий. В своих показаниях, данных в декабре 2009 года, она отметила, что пыталась прощупать пульс и обнаружила его только на сонной артерии; на лучевых артериях пульса не было. Она дала указания немедленно доставить пациента в палату интенсивной терапии, что, согласно ее подсчетам, заняло около пяти минут. Она указала, вместе с дежурным врачом, она предпринимала попытки интенсивной терапии посредством непрямого массажа сердца, искусственной вентиляции легких с помощью маски с клапаном, ввода адреналина и атропина. В попытке реанимировать Магнитского и вследствие невозможности обнаружить периферические вены, врач А.Г. лично ввела инъекции адреналина и атропина в корень его языка. Эти меры результата не дали, и в 21:50 пациент был объявлен мертвым.

3. Свидетельство о смерти

93. В день смерти Магнитского врач А.Г., сотрудник Мар., капитан Пл. и еще несколько сотрудников изолятора составили свидетельство о смерти. В нем говорилось, что первый заявитель умер в 21:50 16 ноября 2009 года вследствие токсического шока и острой сердечнососудистой недостаточности. В нем был указан следующий диагноз:

«Холелитиаз. Острый калькулезный холецистит. Острый панкреатит. Панкреонекроз? Острый психоз. Закрытая черепно-мозговая травма?»

94. В копии свидетельства, выданного второму и третьему заявителям и их адвокатам, указывалось, что оно было отправлено по факсу из следственного изолятора № 77/1 в 12:13 17 ноября 2009 г. на номер факса, зарегистрированный в районном суде.

95. Третий заявитель настаивала на том, что копия свидетельства о смерти, полученная ею от следователей, по-видимому, являлась идентичной первой копии (описанной выше), но с двумя важными отличиями. В частности, отсутствовала печать и была удалена ссылка на закрытую черепно-мозговую травму.

Е. Расследование смерти Магнитского

1. Осмотр места происшествия

96. Следователь из Следственного комитета прибыл в следственный изолятор № 77/1 и составил протокол осмотра места происшествия в

12:30 17 ноября 2009 года. Он записал данные и сфотографировал тело первого заявителя, лежавшее на кровати, с ссадинами на запястьях.

2. Аутопсия

97. Утром 17 ноября 2009 года медицинский эксперт из Бюро судебно-медицинской экспертизы произвел вскрытие (заключение см. в пункте 123 ниже). Следователи отклонили требования второго и третьего заявителей о проведении независимого медицинского осмотра тела и о предоставлении образцов крови и тканей.

98. Магнитский был похоронен 20 ноября 2009 года.

3. Внутренняя проверка

99. 17 ноября 2009 года информационное агентство «Интерфакс» опубликовало новость, описывающую обстоятельства смерти первого заявителя. На основании этой публикации директор Федеральной службы исполнения наказаний распорядился провести внутреннюю проверку событий специальной следственной комиссией, возглавляемой его заместителем.

100. 1 декабря 2009 года следственная комиссия подготовила отчет об условиях содержания Магнитского под стражей и об уровне оказанной ему медицинской помощи. В отчете вкратце отмечалось, что условия содержания в следственных изоляторах №№ 77/1 и 77/5 полностью соответствовали внутригосударственным стандартам. Заключение было обеспечено по 4 кв.м личного пространства; их камеры были надлежащим образом оборудованы и содержались в хороших санитарных условиях. В отчете не содержалось никакой информации о камерах, в которых содержался первый заявитель, об их площади и количестве заключенных. Далее в отчете указывалось, что в отличие от вышеупомянутых учреждений, следственный изолятор № 77/2 был переполнен. В результате этого в течение тридцати шести дней у первого заявителя было недостаточно личного пространства. В отчете приводилось подробное описание условий его содержания под стражей в этом учреждении.

101. Что касается качества медицинской помощи во время содержания под стражей, в отчете говорилось, что должностные лица почти не вносили записи в медицинскую карту первого заявителя, особенно в период с 24 июля по 7 октября 2009 года. Поэтому оценить адекватность его лечения было затруднительно. Однако было выявлено несколько явных нарушений. Например, первый заявитель не прошел рекомендованное ультразвуковое исследование, не сдал необходимые анализы крови и не был осмотрен хирургом.

102. Выявленные недостатки объяснялись плохим управлением следственным изолятором № 77/2, в частности, нехваткой персонала в

медицинской части и отсутствием надлежащего надзора со стороны московских тюремных властей. В отчете рекомендовалось наложить на ответственных должностных лиц дисциплинарное взыскание.

4. Расследование уголовного дела

103. Через два дня после смерти Магнитского, 18 ноября 2009 года, «Би-Би-Си Россия» опубликовала статью, в которой, в том числе, упоминался начальник московского управления Следственного комитета Генеральной прокуратуры А. Багмет. По словам репортера, Багмет заявил, что «[его] ведомство проводит проверку по факту смерти Магнитского; однако основания для возбуждения уголовного дела ... 'еще не установлены'».

104. На следующий день следователь из Следственного комитета Генеральной прокуратуры по Преображенскому району г. Москвы порекомендовал возбудить уголовное дело по факту смерти Магнитского. Он утверждал:

«Принимая во внимание тот факт, что расследование может выявить доказательства совершения преступления, предусмотренного статьей 105 [убийство] и частью 4 статьи 111 [причинение тяжкого вреда здоровью] Уголовного кодекса, я считаю целесообразным зарегистрировать запись в Книге учета заявлений и сообщений о преступлениях (далее — «КУЗСП») и провести расследование в соответствии со статьями 144, 145 Уголовного кодекса Российской Федерации».

105. Через шесть дней, 24 ноября 2009 года, Следственный комитет при Генеральной прокуратуре Преображенского района г. Москвы возбудил уголовное дело в отношении неустановленных должностных лиц из УФСИН г. Москвы. Объем уголовного дела ограничивался преступлениями, предусмотренными частью 2 статьи 124 Уголовного кодекса Российской Федерации (неоказание помощи больному, повлекшее по неосторожности смерть больного) и частью 2 статьи 293 УК РФ (халатность повлекшая смерть человека).

106. Через некоторое время второй и третий заявители были признаны потерпевшими по уголовному делу. Адвокат первого заявителя немедленно попросил следственный орган сохранить доказательства по делу, в частности, записи с камер видеонаблюдения, установленных в следственных изоляторах.

107. В ходе расследования уполномоченные должностные лица опросили ряд свидетелей (см. пункты 36 и 38 выше) и провели несколько экспертиз (см. пункты 123 - 135 ниже).

108. 5 мая 2010 года дело было передано в Главное следственное управление Следственного комитета при Генеральной прокуратуре. Глава Следственного комитета заявил в интервью «Российской газете» 7 сентября 2010 года, что Комитет работает над этим делом и что у них нет оснований полагать, что смерть Магнитского была связана с

действиями должностных лиц, ответственных за его уголовное преследование.

109. В январе 2011 года Следственный комитет стал независимым органом, подотчетным Президенту РФ. Он продолжил расследование уголовного дела.

110. В феврале 2011 года следователи осмотрели место преступления и попросили начальника следственного изолятора № 77/1 предоставить записи с камер видеонаблюдения от 16 ноября 2009 года. В марте 2011 года начальник следственного изолятора сообщил, что в учреждении видеозапись не ведется.

111. Эксперты из Центра судебно-медицинской экспертизы при Министерстве здравоохранения и социального развития РФ в своем докладе № 555/10 от 15 июня 2011 года, установили прямую причинно-следственную связь между смертью Магнитского и неоказанием ему надлежащей медицинской помощи. Они также пришли к выводу о том, что некоторые телесные повреждения могли быть нанесены резиновой дубинкой (более подробную информацию см. в пункте 134 ниже).

112. 13 сентября 2011 года на основании вышеуказанного заключения третий заявитель попросила следственный орган возбудить отдельное уголовное дело по факту жестокого обращения с ее сыном. Следственные органы приобщили жалобу к материалам дела. Будучи несогласной с отсутствием отдельного решения по этому вопросу, она обратилась в Басманный районный суд, который 13 декабря 2011 года отклонил ее жалобу. 22 февраля 2012 года Московский городской суд оставил данное решение без изменений.

113. Тем временем, 18 июля 2011 года Следственный комитет возбудил уголовное дело в отношении двух врачей следственного изолятора № 77/2, начальника медицинской части, врача Д.К. и лечащего врача первого заявителя Л. Первое дело было основано на обвинении в халатности, а второе — причинении смерти по неосторожности, вследствие ненадлежащего исполнения своих обязанностей. Затем эти дела были объединены в одно производство с делом, возбужденным 24 ноября 2009 года (см. пункт 105 выше).

114. 28 октября 2011 года Следственный комитет вынес два отдельных постановления, предъявив врачу Д.К. обвинение в халатности, а врачу Л. — в причинении смерти по неосторожности. В постановлениях отмечалось неосуществление указанными врачами действий в ответ на неоднократные жалобы первого заявителя на ухудшение состояния здоровья с момента его поступления в следственный изолятор № 77/22 до его перевода в следственный изолятор № 77/1, а также неисполнение ими рекомендаций в отношении диагноза и лечения Магнитского. Следователи также подчеркнули, что врач Л. была осведомлена о том, что ее образование

и профессиональная квалификация не соответствовали требованиям ее должности. Она могла предвидеть, что ее недостаточная профессиональная квалификация и навыки приведут к тяжким или даже необратимым последствиям, таким как значительное ухудшение состояния здоровья ее пациента или даже его смерть. Тем не менее, она опрометчиво надеялась избежать таких последствий. Следователи заключили, что непроведение указанными врачами диагностических процедур и непредоставление ими эффективной и своевременной медицинской помощи привели к смерти Магнитского.

115. 31 октября 2011 года следователи выделили дело в отношении врача Д.К. и врача Л. в отдельное производство. В конце декабря 2011 года предварительное следствие было завершено, и врачам была вручена окончательная версия обвинительного заключения.

116. 2 апреля 2012 года Следственный комитет вынес решение о снятии всех обвинений в отношении врача Л. вследствие истечения срока давности по конкретным преступлениям, в которых она обвинялась.

117. 24 декабря 2012 года, когда судебный процесс по делу врача Д.К. близился к завершению, прокурор, который ранее добивался осуждения подсудимого, попросил председательствующего судью оправдать его. Через четыре дня районный суд оправдал врача Д.К. по всем пунктам обвинения. Суд пришел к выводу об отсутствии причинно-следственной связи между его поведением и смертью Магнитского. 16 мая 2013 года Московский городской суд отклонил апелляцию третьего заявителя и оставил оправдательный приговор без изменений.

118. Тем временем, 19 марта 2013 года расследование по факту смерти первого заявителя было прекращено за «отсутствием состава преступления». Следователи сочли неправдоподобной версию о том, что Магнитский был привлечен к уголовной ответственности в качестве отместки за раскрытие мошеннических действий со стороны государственных должностных лиц. Ни Кар., ни Куз. не были причастны к предполагаемому мошенничеству. Это не они возбудили уголовное дело № 151231 по факту уклонения от уплаты налогов, предположительно совершенного руководителем компании «Камея»; также они не участвовали в обыске и изъятии корпоративных документов и печатей компании. Согласно заключению эксперта, мошеннические финансовые документы имели печати, отличные от тех, которые были изъяты милицией во время обыска, проведенного 4 июня 2007 года. Никакой связи между сотрудниками милиции и предполагаемыми виновниками налогового мошенничества установлено не было.

119. В постановлении от 19 марта 2013 года также упоминалось, что переводы Магнитского между местами содержания под стражей

проводились с единственной целью — исключить его содержание под стражей в плохих условиях, и ни в коем случае не могли служить попыткой оказать на него давление. Физическую силу к нему не применяли. Медицинское освидетельствование не выявило никаких следов насилия на теле Магнитского, тем самым опровергнув подозрение в том, что 16 ноября 2009 года он был избит резиновой дубинкой. Травмы на запястьях были вызваны наручниками, в то время как ушибы и ссадины на левой руке, левой голени и правой лодыжке были нанесены им самим, когда Магнитский вел себя агрессивно. Сияк на правой лодыжке появился за три-шесть дней до смерти и был результатом «бытовой травмы». Травмы были незначительными и не могли привести к смерти Магнитского. Он умер от острой сердечной недостаточности и отека мозга и легких, вызванного вторичной дисметаболической кардиомиопатией, развившейся из-за диабета и хронического гепатита в активной форме. Эти заболевания не были диагностированы своевременно, и между неспособностью доктора Л. обеспечить необходимые медицинские осмотры и смертью Магнитского существовала причинно-следственная связь.

120. В своем постановлении от 19 марта 2013 года следователи подтвердили, что уголовное дело в отношении врача Л. было закрыто ввиду истечения установленного законом срока давности, и что ее начальник врач Д.К. был оправдан судом в связи с отсутствием причинно-следственной связи между его действиями и смертью первого заявителя. В заключение следователи, подчеркнули, что никаких других лиц, чьи действия могли привести к смерти Магнитского, выявлено не было.

121. 14 августа 2013 года третий заявитель обратилась в Следственный комитет с жалобой на непривлечение к ответственности лиц, виновных в нарушении прав ее сына. Несколько недель спустя она получила письмо, поддерживающее постановление от 19 марта 2013 года.

122. 5 мая 2014 года третий заявитель обратилась в Следственный комитет с жалобой на постановление о прекращении расследования. Она сослалась на Резолюцию 1966 (2014), принятую Парламентской ассамблеей Совета Европы 28 января 2014 года (см. пункт 171 ниже). Через три дня ее жалоба была отклонена, поскольку оспариваемое решение было сочтено законным и обоснованным. Ее последующие жалобы, поданные в период с июня по сентябрь 2014 года, также были отклонены.

5. Экспертные заключения

(а) Протокол вскрытия

123. Вскрытие тела Магнитского было проведено судмедэкспертом из Бюро судебно-медицинской экспертизы 17 ноября 2009 года в 10:10. Она взяла образцы головного мозга, легких, сердца, печени, поджелудочной железы, почек, желудка и тонкой кишки, а также образцы крови и отправила их на исследование. После завершения всех анализов эксперт изложила все выводы в окончательном протоколе вскрытия от 31 декабря 2009 года.

124. В протоколе указывалось, что первый заявитель умер за 12–15 часов до начала вскрытия. Причиной смерти явилась «застойная сердечная недостаточность, развившаяся вследствие вторичной кардиомиопатии». В протоколе также указывались сопутствующие заболевания, включая калькулезный холецистит, жировую дегенерацию печени, липоматоз поджелудочной железы и хронический персистирующий гепатит. Наконец, этот протокол включал описание наружных телесных повреждений на теле Магнитского:

— синяки на левом и правом запястьях, возникшие в результате сдавливания и скольжения тупым твердым предметом или предметами с ограниченной травмирующей поверхностью незадолго до смерти;

— синяки и две ссадины на левой руке, а также вертикальное овальное истирание на передней поверхности левой голени, также причиненные незадолго до смерти в результате удара и скольжения тупым твердым предметом; а также

- синяк на внутренней поверхности правого голеностопного сустава, нанесенный за три-шесть дней до смерти.

125. Медицинский эксперт пришла к выводу о том, что эти телесные повреждения не имели причинной связи со смертью.

(б) Первое заключение медицинской экспертной комиссии и предварительные заключения

126. 1 февраля 2010 года старший следователь Московской городской прокуратуры поручил медицинской экспертной комиссии подготовить заключение относительно причины смерти первого заявителя.

(i) предварительные заключения

127. Бюро судебно-медицинской экспертизы Департамента здравоохранения г. Москвы подготовило несколько предварительных заключений для их дальнейшего включения в отчет судебно-медицинской экспертной комиссии. В частности:

— Гистологический отчет исследования образцов ткани от 25 февраля 2010 года показало, что имелись «признаки кардиомиопатии», а также «хронического персистирующего гепатита минимальной активности» и «умеренного фиброза и липоматоза поджелудочной железы».

- В заключении от 22 апреля 2010 года указывалось, что смерть наступила между 20:30 и 21:00 16 ноября 2009 года, до начала реанимационных мероприятий. ЭКГ проведенное 21 октября 2009 года, указала на признаки кардиомиопатии, но требуемое лечение проведено не было. В заключении также было указано, что на ранних стадиях дилатационная кардиомиопатия могла прогрессировать бессимптомно, что может привести к внезапной остановке сердца в случае любого давления. Со ссылкой на протокол вскрытия в заключении говорилось о том, что первый заявитель скончался вследствие кардиомиопатии и жирового гепатоза печени, хронического калькулезного холецистита и панкреатита.

- В заключении гастроэнтеролога от 30 апреля 2010 года говорится, что у первого заявителя были правильно диагностированы желчнокаменная болезнь и хронический панкреатит. Эксперт также отметил, что жалобы Магнитского указывали на острый деструктивный панкреатит, и настаивал на том, что указанные симптомы не были похожи на симптомы какого-либо другого неустановленного заболевания. Эксперт перечислил различные анализы, которые могли бы быть проведены в ходе острых стадий желчнокаменной болезни и панкреатита, и счел особенно важным, что в медицинской карте первого заявителя не содержалось упоминания о проведении даже самых простых анализов, таких как клинический анализ крови или мочи. Эксперт подчеркнул, что Магнитский не получил наиболее эффективного лечения холецистита — запланированной холецистэктомии, которую следовало провести в ходе общепринятого лечения острого деструктивного панкреатита. По мнению эксперта, представленные доказательные материалы не создавали впечатления о том, что у первого заявителя были серьезные проблемы с сердцем. Эксперт отметил, что кардиомиопатия могла привести к смерти в результате сильной перегрузки, и что у Магнитского, по всей видимости, таких признаков не имелось. Относительно причины смерти эксперт заключил, что острый деструктивный панкреатит, развившийся вследствие холецистита, мог привести к смерти Магнитского в отсутствие надлежащего лечения в течение нескольких дней.

- В кратком отчете профессора анестезиологии и интенсивной терапии от 6 мая 2010 года говорится, что даже полномасштабные реанимационные мероприятия не дают значимого результата при кардиомиопатии, независимо от ее характера. Тем не менее, он не смог

«окончательно оценить» качество реанимационных мероприятий в случае Магнитского, так как не имелось надлежащей информации, описывающей процедуру реанимации (время остановки сердца пациента, тип остановки, количество лиц, принимавших участие в указанной процедуре и т.д.). Эксперт повторил заявления врачей из бригады срочной психиатрической помощи и выразил серьезные сомнения в достоверности официальных документов, полученных из следственного изолятора, в которых описывались реанимационные мероприятия. Оспаривая заключение гастроэнтеролога, профессор пришел к выводу о том, что смерть наступила в результате «острой сердечной недостаточности, вызванной вторичной дилатационной кардиомиопатией и обострением хронического холецистопанкреатита».

(ii) Первое заключение медицинской экспертной комиссии

128. Первое заключение, подготовленное медицинской экспертной комиссией 12 мая 2010 года, содержало следующие выводы.

(i) Во время содержания под стражей у Магнитского наблюдалось обычное сердцебиение и кровяное давление. ЭКГ от 21 октября 2009 года не выявила признаков существенных нарушений сердечной деятельности. Тем не менее, жалобы пациента в мае и октябре 2009 года, указывающие на остеохондроз и болезнь сердца, означали, что необходимо было снять повторную электрокардиограмму, провести ультразвуковое исследование сердца и биохимическое исследование крови с целью определения или исключения болезни сердца, что не было сделано.

(ii) На момент его смерти у первого заявителя не было обострений желчнокаменной болезни или панкреатита. Протокол вскрытия и соответствующие анализы подтвердили, что причиной его смерти явилась кардиомиопатия.

(iii) Во время содержания под стражей первый заявитель получал ненадлежащую медицинскую помощь, в частности, с учетом того, что врачи не назначили и не провели лабораторные анализы крови и мочи, а также операцию, связанную с желчнокаменной болезнью. Однако недостатки в оказании медицинской помощи не имели причинно-следственной связи с его смертью. В заключении было отмечено низкий уровень ведения медицинской документации медицинскими работниками следственных изоляторов и невысокая информативность такой документации.

(iv) В заключении также имелась выдержка из заявления врача, который проводил лечение первого заявителя до его ареста и который получал от семьи Магнитского информацию о состоянии его здоровья и о лечении во время его содержания под стражей. Врач заявил, что первый заявитель описывал «типичные симптомы холецистита и

панкреатита», и пришел к выводу о том, что диагноз был правильным, но предложил более эффективные лекарства и подходящую диету. Этот врач выразил особую озабоченность тем, что Магнитскому был выписан диклофенак, который мог отрицательно сказаться на его состоянии и привести к обострению панкреатита.

(в) Первое заключение кардиологов

129. 21 июня 2010 года группа кардиологов подготовила более конкретное заключение. В отличие от первого заключения медицинской экспертной комиссии, в нем говорилось, что у первого заявителя не имелось симптомов кардиомиопатии до его смерти, и что данные его ЭКГ и рентгенограмма не указывали на патологические изменения в его сердце. Группа отметила, что кардиомиопатия может протекать бессимптомно, что можно проводить лечение, но она не может быть излечена, и что почти невозможно принять меры или назначить комплексную медикаментозную терапию в случае, когда кардиомиопатия приводит к внезапной остановке смерти.

(г) Второе заключение кардиологов

130. Во втором заключении кардиологов, подготовленном в октябре 2010 года, говорилось, что кардиомиопатия могла сама по себе привести к внезапной смерти. В заключении было указано, что невозможно определить, как давно у первого заявителя развилась болезнь сердца. Был сделан вывод о том, что данные ЭКГ не указывали на признаки кардиомиопатии, что подтверждает выводы, сделанные в первом заключении медицинской экспертной комиссии и в первом заключении кардиологов, и что связь между кардиомиопатией и другими заболеваниями, диагностированными у первого заявителя, отсутствует.

(д) Психологическое и психиатрическое заключение

131. В заключении, представленном 23 ноября 2010 года по запросу следователя, содержался вывод о том, что до 19:00 16 ноября 2009 года первый заявитель не страдал от психических заболеваний. Невозможно сказать, находился ли он в состоянии временного психического расстройства 16 ноября 2009 года, поскольку имеющаяся информация была противоречивой.

(е) Второе заключение медицинской экспертной комиссии

132. 15 июня 2011 года Центр судебно-медицинской экспертизы при Министерстве здравоохранения и социального развития Российской Федерации представил заключение № 555/10. В заключении

указывалось, что причиной смерти первого заявителя стало следующее:

«вторичная дисметаболическая кардиомиопатия на фоне диабета и хронический активный гепатит, осложненный вентрикулярной фибрилляцией с развитием острой сердечной недостаточности, отеком мозга и легких с острым внутриаальвеолярным и субарахноидальным кровоизлиянием».

133. В заключении также говорилось, что диабет и хронический активный гепатит обусловили развитие вторичной дисметаболической кардиомиопатии. Хронический активный гепатит развился не позднее, чем за месяц до смерти, а вторичная дисметаболическая кардиомиопатия возникла не менее чем за шесть месяцев до смерти. Эксперты также составили список недостатков в медицинской помощи, оказанной Магнитскому во время содержания под стражей. Они пришли к выводу, что необходимые диагностические процедуры, которые медицинский персонал изолятора не провел, могли способствовать своевременному выявлению заболеваний, и что надлежащий медицинский уход мог бы предотвратить смерть пациента. Эксперты установили прямую причинную связь между смертью и отсутствием надлежащей медицинской помощи.

134. На просьбу оценить характер и происхождение телесных повреждений, обнаруженных на руках и ногах первого заявителя, эксперты пришли к выводу о том, что они возникли до смерти и были вызваны, по меньшей мере, пятью ударами тупым предметом или трением. Эти удары могли быть нанесены резиновой дубинкой.

(ж) Третье заключение медицинской экспертной комиссии

135. 17 августа 2011 года третья медицинская экспертная комиссия уточнила заключение № 555/10. Она заявила, что надлежащее медицинское лечение предотвратило бы развитие диабета и гепатита у первого заявителя и, следовательно, кардиомиопатии, и позволило бы избежать его смерти. Она также заявила, что недостатки в медицинской помощи, оказанной 16 ноября 2009 года, не могли вызвать смерть, поскольку было очень маловероятно, что кто-либо в его состоянии мог бы быть спасен.

(з) Мнение организации «Врачей за права человека»

136. 28 июня 2011 года организация «Врачи за права человека» (некоммерческая правозащитная НПО, далее именуемая «ВПЧ») опубликовала отчет, в котором рассмотрела имеющиеся доказательства, касающиеся лечения и смерти первого заявителя.

137. В отношении медицинской помощи, оказанной Магнитскому во время содержания под стражей, ВПЧ пришла к выводу о том, что он получил неадекватную медицинскую помощь и диагностику с учетом

разных диагнозов его текущих симптомов. Эта халатность была «просчитанной, намеренной и бесчеловечной».

138. Относительно обстоятельств смерти, в отчете указывалось, что имеющиеся доказательства не позволяют достоверно определить, каким образом умер Магнитский. Проблемные факторы включали непоследовательные и противоречивые показания, данные должностными лицами и врачами следственного изолятора в отношении последних двух часов жизни первого заявителя, а также неадекватное исследование при вскрытии, которое во многих отношениях было недостаточным. Согласно передовой практике, надлежало собрать жидкость из глазного яблока и мочу для токсикологического исследования. Однако в случае Магнитского такие образцы собраны не были. Фотографии всех внешних поверхностей тела, а также фотографии с дальней и средней дистанции и фотографии крупным планом каждой травмы, по-видимому, сделаны не были. Колотая рана на языке не была представлена для токсикологического исследования. Несмотря на то, что в желчном пузыре имелись камни, и его стенка была утолщена, гистологическое исследование не было проведено. Наконец, гистологическое исследование сердца, мозга и легких было недостаточно тщательным.

Ж. Уголовное производство в отношении Магнитского после его смерти

139. 27 ноября 2009 года следователь прекратил производство по уголовному делу в отношении Магнитского в связи с его смертью в соответствии с частью 2 статьи 27 и пунктом 4 части 1 статьи 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — «УПК») (см. пункты 164 и 165 ниже). Второму заявителю сообщили об этом решении и ее праве обжалования.

140. 11 декабря 2009 года адвокат, действующий от имени семьи Магнитских, попросил Президента РФ, Генерального прокурора РФ и следственные органы отменить вышеуказанное решение и прекратить производство по уголовному делу по причине отсутствия преступных действий и состава преступления. Ответа не последовало.

141. 30 июля 2011 года с учетом Постановления Конституционного Суда № 16-П от 14 июля 2011 года (далее — «Постановление № 16-П») (см. пункт 167 ниже), заместитель Генерального прокурора принял решение возобновить расследование в отношении Магнитского. Через десять дней производство по делу было возобновлено.

142. Вскоре после этого второй заявитель была вызвана в качестве свидетеля. Во время допроса 26 августа 2011 года она протестовала против возобновления производства по делу, заявив, что дальнейшее преследование ее покойного мужа «незаконно, бесчеловечно и

неэтично», потому что он не может защитить себя. Она отметила, что посмертные разбирательства могут проводиться с целью реабилитации только с согласия семьи обвиняемого, и оставила за собой право обратиться за реабилитацией в будущем. Она отказалась отвечать на любые вопросы, касающиеся существа дела.

143. 26 августа и 28 сентября 2011 года вдова и мать Магнитского, соответственно, были признаны законными представителями покойного обвиняемого по уголовному делу.

144. Тем временем, 22 августа 2011 года второй заявитель направила в Генеральную прокуратуру жалобу с просьбой прекратить преследование ее покойного сына. 5 сентября 2011 года она направила еще два заявления в адрес Генерального прокурора и в Следственный комитет с просьбой прекратить уголовное преследование ее покойного сына. Через месяц следователи ответили, что оснований закрывать дело не имеется. 8 ноября 2011 года Генеральная прокуратура также отклонила ее ходатайство о закрытии дела, объяснив, что производство было возобновлено с целью защиты прав первого заявителя, включая его право на реабилитацию.

145. 5 сентября 2011 года второй заявитель также обратилась в районный суд с просьбой признать незаконным возобновление производства по уголовному делу в отношении Магнитского. В жалобе указывалось, что только родственники погибших, а не государственные органы, имеют право решать, следует ли проводить уголовное расследование после смерти обвиняемого. Такое расследование может проводиться только с целью реабилитации обвиняемого. Неделью спустя суд отклонил эту жалобу, заключив, что второй заявитель не является участником уголовного производства, не имеет права оспаривать предварительное следствие, и не указала, какие из ее прав были нарушены. Апелляционная жалоба второго заявителя на это постановление была отклонена Московским городским судом 24 октября 2011 года.

146. В период с августа 2011 года по март 2012 года третий заявитель подала дополнительные жалобы, добиваясь прекращения посмертного преследования первого заявителя. В частности, 11 марта 2012 года она обратилась с жалобой к следователю, ведущему дело в отношении ее покойного сына, обвинив власти в попытке скрыть свои мошеннические действия с помощью уголовного преследования первого заявителя, проводимого под предлогом его реабилитации. Она заявила, что отказывается участвовать в этом «беззаконии», оставляя за собой право добиваться реабилитации сына в будущем, когда властям можно будет доверять.

147. В неустановленный день третий заявитель обратилась в Останкинский районный суд г. Москвы с жалобой на постановление о возобновлении уголовного дела в отношении ее покойного сына. Она

утверждала, что следственный орган не имел права возобновлять производство без согласия семьи первого заявителя.

148. 3 апреля 2012 года Останкинский районный суд отклонил ее жалобу. Суд пришел к выводу о том, что решение от 27 ноября 2009 года о прекращении производства было незаконным в свете Постановления № 16-П, потому что оно было вынесено без согласия семьи покойного. Следовательно, вышестоящий орган власти правомерно отменил это решение. Это также подкрепляется тем, что третий заявитель добивалась реабилитации ее покойного сына. С учетом этого, нельзя сказать, что возобновление производства по делу нарушило ее права. Напротив, оно предоставило третьему заявителю процессуальные права, что позволило ей высказать свое мнение в отношении обвинений по уголовному делу.

149. Апелляционная жалоба третьего заявителя на это решение была отклонена Московским городским судом 21 мая 2012 года.

150. 28 ноября 2012 года покойному Магнитскому были предъявлены обвинения в уклонении от уплаты налогов в связи с тем, что он мошенническим путем потребовал через компании «Дальняя степь» и «Сатурн» сумму, эквивалентную 3 млн. долл. США в виде налоговых льгот за трудоустройство инвалидов, и в связи с недоплатой этими компаниями суммы, эквивалентной приблизительно 14 млн. долл. США, путем неправомерного освобождения от местных и региональных налогов. Сторона обвинения настаивала на том, что преступления были совершены в сговоре с Браудером, и что Магнитский действовал в качестве его сообщника и преступного лидера.

151. В октябре и ноябре 2012 года следственный орган предложил второму и третьему заявителям ознакомиться с материалами дела, но они не явились к следователю.

152. В декабре 2012 года следственный орган направил дело в районный суд для рассмотрения дела «с целью возможной реабилитации» покойного обвиняемого.

153. Судебный процесс над Магнитским и Браудером начался в марте 2013 года. Ни второй, ни третий заявитель, ни их адвокаты не участвовали в этом разбирательстве. Суд назначил адвоката для представления интересов покойного Магнитского. Сторону обвинения представляли прокурор и помощник прокурора.

154. 4 марта 2013 года назначенный судом адвокат попросил вернуть дело в следственный орган, утверждая, что фактических или правовых оснований для посмертного расследования не имеется. Незаконное возобновление уголовного преследования нанесло непоправимый ущерб производству и не позволило прийти к какому-либо заключению по существу дела. Суд отклонил этот аргумент, ссылаясь на постановление от 3 апреля 2012 года, которое подтвердило

законность решения о возобновлении уголовного дела (см. пункт 148 выше).

155. Через пять дней второй заявитель направила в суд письмо, в котором указывалось, что разбирательство является «насмешкой над памятью [Магнитского]» и не имеет юридической основы. Она призвала других участников не участвовать «в таком неуважительном действии».

156. В ходе последующих слушаний районный суд заслушал множество свидетелей, в том числе коллег первого заявителя, налоговых инспекторов и нескольких инвалидов, предположительно причастных к схемам по возврату налоговых платежей. Он также изучил совокупность документальных свидетельств, касающихся финансовой деятельности «Дальней степи» и «Сатурна».

157. 11 июля 2013 года районный суд вынес окончательное решение по делу. Суд признал Магнитского виновным по всем пунктам обвинения, за исключением того, что он выступал в качестве лидера, в не в качестве сообщника Браудера. Ссылаясь на Постановление № 16-П, суд постановил, что оснований для реабилитации первого заявителя не имеется и что в соответствии со статьями 24 и 254 УПК уголовное производство в отношении него должно быть прекращено. Никакого приговора покойному Магнитскому вынесено не было. Ни назначенный судом адвокат, ни второй или третий заявители не обжаловали это решение.

158. 15 июля 2013 года адвокат, который не участвовал в разбирательстве, оспорил решение от имени второго и третьего заявителей. Через две недели районный суд отклонил апелляционную жалобу в связи с отсутствием доверенности. В результате решение от 11 июля 2013 года, вынесенное в отношении первого заявителя, вступило в законную силу.

159. Браудер был признан виновным в уклонении от уплаты налогов, приговорен к девяти годам лишения свободы и лишен права заниматься предпринимательской деятельностью в течение трех лет.

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И МЕЖДУНАРОДНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

А. Задержание и меры пресечения в уголовном судопроизводстве

160. Соответствующие положения внутригосударственного законодательства, касающиеся ареста и предварительного заключения под стражу, изложены в постановлениях Суда по делам «Роман Петров против России» (*Roman Petrov v. Russia*) (жалоба № 37311/08, пункты 33-36, 15 декабря 2015 года) и «Суслов против России» (*Suslov v.*

Russia) (жалоба № 2366/07, пункты 46-54 и пункты 63-68, 29 мая 2012 года).

Б. Условия содержания под стражей

161. Соответствующее национальное законодательство и международные материалы, касающиеся условий содержания под стражей, вкратце изложены в пилотном постановлении Суда по делу «Ананьев и другие против России» (*Ananyev and Others v. Russia*) (жалобы №№ 42525/07 и 60800/08, пункты 25-30 и 55-58, 10 января 2012 года). Международные материалы см. также в постановлении Большой Палаты по делу «Муршич против Хорватии» (*Mursić v. Croatia*) (жалоба № 7334/13, пункты 46-65, 20 октября 2016 года).

В. Запрет на жестокое обращение и порядок рассмотрения уголовных жалоб

162. Краткое описание положений применимого внутригосударственного права, касающихся запрещения жестокого обращения и порядка рассмотрения заявления о преступлении, приводится в постановлении Суда от 24 мая 2016 года по делу «Манжос против России» (*Manzhos v. Russia*) (жалоба № 64752/09, пункты 21-27).

Г. Медицинская помощь в местах содержания под стражей

163. Соответствующие положения внутригосударственного и международного права, касающиеся общего медицинского обслуживания заключенных, изложены в постановлении Европейского Суда от 15 декабря 2015 года по делу «Ивко против России» (*Ivko v. Russia*) (жалоба № 30575/08, пункты 55-62).

Д. Уголовное производство после смерти подозреваемого/обвиняемого

1. Применимые положения Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее — «УПК»)

164. В статье 24 УПК перечисляются возможные основания для принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела или о прекращении дела:

«1. Уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное уголовное дело подлежит прекращению по следующим основаниям:

(4) смерть подозреваемого или обвиняемого, за исключением случаев, когда производство по уголовному делу необходимо для реабилитации умершего...»

165. В части 2 статьи 27 Кодекса приводится перечень оснований, которые не могут быть использованы для прекращения производства против воли подозреваемого или обвиняемого.

166. Норма, упомянутая в пункте 164 выше, подробно описана в статье 354 УПК:

«Суд должен прекратить производство по уголовному делу, если:

(1) обстоятельства, указанные в пунктах 3-6 части первой статьи 24 ... Кодекса, были установлены в судебном заседании ... »

2. Постановление Конституционного Суда РФ № 16-П

167. 14 июля 2011 года Конституционный Суд Российской Федерации рассмотрел жалобу, поданную двумя лицами, оспаривающими конституционность пункта 4 части первой статьи 24 и части первой статьи 254 УПК. Суд пришел к выводу о том, что вышеупомянутые законодательные положения являются неконституционными, поскольку предусматривают возможность прекращения уголовного дела в случае смерти подозреваемого (или обвиняемого) без получения согласия близких родственников этого лица. Конституционный Суд, в частности, постановил следующее.

«2.1 ... соблюдение фундаментальных процессуальных гарантий прав личности, включая презумпцию невиновности, должно обеспечиваться и при разрешении вопроса о прекращении уголовного дела по нереабилитирующему основанию. Принимая решение об отказе в возбуждении или о прекращении уголовного дела на досудебных стадиях уголовного процесса, компетентные государственные органы должны исходить из того, что лица, в отношении которых прекращено уголовное преследование [не были признаны виновными в совершении преступления] и не могут быть названы таковыми - в конституционно-правовом смысле эти лица могут считаться лишь привлекавшимися к участию в уголовном судопроизводстве ... ввиду выдвижения против них подозрения или обвинения...

Между тем при прекращении уголовного дела в связи со смертью подозреваемого (обвиняемого) [властями] прекращается и дальнейшее доказывание его виновности, но при этом подозрение или обвинение не снимается, - напротив, по существу, [властями] констатируется совершение деяния... конкретным лицом и невозможность его уголовного преследования по причине его смерти. Тем самым такое лицо без вынесения и вступления в законную силу обвинительного приговора суда фактически признается виновным в совершении преступления, что может рассматриваться как несоблюдение государством обязанности обеспечить судебную защиту его чести, достоинства и доброго имени, гарантированную [различными] статьями Конституции, а лицам, чьи интересы могут непосредственно затрагиваться последствиями принятия решения о прекращении уголовного дела, — и доступ к правосудию...

2.2. Обращаясь к вопросу о правовой природе прекращения уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям, ... Конституционный Суд Российской Федерации пришел к следующим выводам: решение о прекращении уголовного дела не подменяет собой приговор суда и, следовательно, не является актом, которым устанавливается виновность обвиняемого в том смысле, как это предусмотрено статьей 49 Конституции Российской Федерации (которая гласит: «Каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда») (см. Постановление Конституционного Суда РФ от 28 октября 1996 г. № 18-П) ...

... [иными словами], прекращение уголовного дела по нереабилитирующему основанию возможно лишь в том случае, если будут обеспечены права участников уголовного судопроизводства, что предполагает, в частности, необходимость получения согласия подозреваемого (обвиняемого) на [принятие такого решения] ...

... Если же лицо, в отношении которого ведется уголовное преследование, возражает против [такого решения], ему должна предоставляться возможность продолжения производства по уголовному делу и направления его в суд для рассмотрения по существу ...

3. ... [Проанализировав применимые положения национального законодательства, суд приходит к выводу о том, что] Уголовно-процессуальный кодекс не предусматривает [для родственников умершего, уголовное преследование которого было прекращено] прав, позволяющих им защитить права их умершего, ранее обвиняемого родственника. Поскольку заинтересованные лица, прежде всего близкие родственники умершего, к участию в деле не допускаются, [соответствующие] процессуальные решения... принимаются следователем или судом - без участия стороны защиты...

4. ... Подобные ограничения не имеют объективного и разумного оправдания и влекут за собой нарушение [конституционных прав указанных лиц]...

5. ... [Кроме того, Конституционный Суд решает, что] защита прав и законных интересов близких родственников умершего человека,... направленная на его реабилитацию, должна происходить путем предоставления им необходимого правового статуса и обусловленных им законных прав в рамках уголовного дела...

[Конституционный Суд приходит к выводу, что права, предусмотренные статьей 125 [УПК РФ], являлись недостаточными для обеспечения заинтересованным лицам надлежащего уровня судебной защиты ...]

6. ... [Таким образом, в случаях, когда] близкие родственники возражают против прекращения производства по делу в связи с гибелью лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, компетентные следственные органы или суд должны продолжить производство по уголовному делу в обычном порядке. В то же время, заинтересованные лица должны пользоваться такими же правами, какими мог бы воспользоваться и [сам] умерший человек...»

Если при продолжении производства предварительного расследования будут установлены основания для принятия решения о реабилитации умершего, уголовное дело подлежит прекращению по реабилитирующим основаниям, если же нет - оно передается в суд для рассмотрения в общем порядке. В этом случае

близкие родственники, настаивающие на продолжении производства по уголовному делу с целью возможной реабилитации умершего, либо их представитель подлежат в обязательном порядке вызову в судебное заседание, с тем чтобы они могли реализовать право на судебную защиту чести и доброго имени умершего, а также своих прав и законных интересов. При этом в рамках судебного разбирательства должны быть установлены обстоятельства происшедшего, дана их правовая оценка, а также выяснена действительная степень вины (или невиновности) лица в совершении инкриминируемого ему деяния. Рассмотрев уголовное дело по существу в обычном порядке (с учетом особенностей, обусловленных физическим отсутствием такого участника судебного разбирательства, как подсудимый), суд должен либо, придя к выводу о невиновности умершего лица, вынести оправдательный приговор, либо, не найдя оснований для его реабилитации, прекратить уголовное дело на основании пункта 4 части первой статьи 24 и пункта 1 статьи 254 УПК ...

Вместе с тем федеральному законодателю надлежит внести в действующее правовое регулирование - руководствуясь требованиями Конституции Российской Федерации и с учетом настоящего Постановления. В том числе конкретизировать, которым, помимо близких родственников [умершего] ... может быть предоставлено право настаивать на продолжении производства по уголовному делу с целью возможной реабилитации умершего. Поправки должны устанавливать процессуальные формы допуска [заинтересованных лиц] к участию в деле и соответствующий правовой статус. Наконец, они должны предусматривать особенности производства [посмертного] предварительного расследования и судебного разбирательства, а также особенности решения о прекращении уголовного дела по данному нереабилитирующему основанию».

168. В начале 2012 года третий заявитель обратилась в Конституционный Суд Российской Федерации с просьбой разъяснить приводящееся выше постановление. В частности, она спросила, может ли следственный орган продолжать уголовное преследование после смерти обвиняемого, если родственники покойного возражают против этого.

169. Определением № 423-О-Р от 22 марта 2012 года, Конституционный Суд заявил, что его постановление по этому вопросу было ясным. Он повторил:

«... постановления Конституционного Суда РФ не могут быть использованы для оправдания продолжения уголовного производства следственным органом, если [такое производство] не направлено на реабилитацию покойного обвиняемого...»

170. Таким образом, Конституционный Суд постановил, что разъяснений не требуется, и отклонил жалобу.

Е. Документы Парламентской Ассамблеи Совета Европы

171. 28 января 2014 года Парламентская ассамблея Совета Европы приняла Резолюцию 1966 (2014) «Недопустимость безнаказанности убийц Сергея Магнитского», которая в соответствующей части гласит:

«...»

2. [Парламентская Ассамблея] потрясена тем, что [первый заявитель], специалист по вопросам налогообложения и финансового учета московской юридической компании, умер в месте предварительного заключения в Москве 16 ноября 2009 года, и что никто из лиц, виновных в его гибели, до сих пор не понес наказания.

3. По поручению клиента г-н Магнитский проводил расследование фактов масштабного мошенничества против российских налоговых органов. Установленные им лица подозревались в том, что они фактически добились возврата им налогов, уплаченных компаниями его клиента, которые были перерегистрированы на имена известных преступников мошенническим образом.

4. Жалобы, направленные высокопоставленным представителям российских правоохранительных органов, были переданы на расследование тем же самым должностным лицам Министерства внутренних дел, которые обвинялись в соучастии. [Первый заявитель] был заключен в следственный изолятор якобы за уклонение от уплаты налогов в 2001 году совместно со своим тогдашним клиентом Уильямом Браудером, причем условия его содержания постоянно ухудшались. Спустя шесть месяцев нахождения в заключении у г-на Магнитского был диагностирован панкреатит. Незадолго до запланированного лечения он был перемещен в другой изолятор, где не имелось надлежащих условий для оказания медицинской помощи.

5. После почти года в заключении, 16 ноября 2009 года, г-н Магнитский, состояние здоровья которого еще более ухудшилось, был переведен обратно в следственный изолятор, располагавший условиями для оказания соответствующей медицинской помощи. По прибытии он был избит резиновыми дубинками и в тот же вечер умер. Врачей гражданской скорой помощи, вызванных сотрудниками СИЗО, заставили ждать больше часа, после чего они обнаружили безжизненное тело г-на Магнитского на полу тюремной камеры.

6. Точное время и причины гибели г-на Магнитского все еще неясны. Противоречивые показания и официальные документы также не были полностью изучены.

7. Двое сотрудников СИЗО были обвинены в халатности. Следствие в отношении одного из них было прекращено 2 апреля 2012 года ввиду истечения срока давности, другой был оправдан по просьбе прокурора 28 декабря 2012 года. Никто из лиц, присутствовавших при смерти г-на Магнитского или обвиненных его семьей в организации давления, на которое он жаловался, не был привлечен к ответственности.

8. Судебное преследование [первого заявителя], который теперь сам обвиняется в участии в мошенничестве, которое он же и разоблачил, а также в предполагаемом уклонении от уплаты налогов его клиентом, продолжается после его смерти, несмотря на многочисленные протесты вдовы и его матери. Российское законодательство позволяет проводить посмертное разбирательство лишь в исключительных случаях, по требованию семьи и только в целях реабилитации.

10. Российская Общественная наблюдательная комиссия, которой государством поручено инспектирование всех мест принудительного содержания в Российской Федерации, изучила обстоятельства плохого

обращения с [первым заявителем] и его смерти в заключении. Она выявила многочисленные нестыковки фактов, упущения и противоречия в официальных документах по данному делу.

11. Совет по правам человека при Президенте РФ на основе результатов работы Общественной наблюдательной комиссии тщательно рассмотрел дело [первого заявителя] и настоятельно призвал компетентные российские органы привлечь к ответственности лиц, виновных в его гибели.

14. Ввиду вышеизложенного Ассамблея настоятельно призывает компетентные российские власти:

14.1. полностью расследовать обстоятельства и предпосылки гибели [первого заявителя] и изучить вопрос о возможности привлечения к уголовной ответственности всех должностных лиц, причастных к таким фактам, как:

14.1.1. противоречивые показания сотрудников СИЗО и других свидетелей относительно событий, последовавших за переводом [первого заявителя] в [следственный изолятор № 77/1] 16 ноября 2009 года;

14.1.2. существование двух различных вариантов «свидетельства о смерти» от 16 ноября 2009 года ...;

14.1.3. причины перевода [первого заявителя] в [следственный изолятор № 77/2] за одну неделю до повторного ультразвукового обследования и плановой операции в [следственном изоляторе № 77/1];

14.1.4. назначение обычного фельдшера для оказания медицинской помощи [первому заявителю], у которого ранее были диагностированы серьезные заболевания, в частности, панкреатит;

14.1.5. назначение [первому заявителю] и применение им препарата диклофенак, который, как предполагается, при определенных обстоятельствах, среди прочего обостряет панкреатит;

14.1.6. отсутствие видеозаписей с камер видеонаблюдения, на которых зафиксировано поступление [первого заявителя] в [следственный изолятор № 77/1] в день его смерти, учитывая свидетельские показания о том, что записи были изъяты следователями;

14.1.7. неполнота ведения предусмотренного законом журнала учета жалоб во время критического периода пребывания в [следственном изоляторе № 77/2], учитывая свидетельские показания о том, что выдержки, представленные во время разбирательства, выглядели как переписанные заново в одно и то же время;

14.1.8. существование взаимоотношений личного характера между лицами, подозреваемыми в участии в преступном сговоре и обвиняемыми [первым заявителем], включая ряд сотрудников и бывших сотрудников министерства внутренних дел, налоговых органов, причастных к мошенническому возврату налогов, владельцем банка, использованного для отмыwania денег, и юристами, вовлеченными в фиктивные судебные процессы, включая факты совместных поездок в Дубай, Кипр и в Лондон;

14.1.9. происхождение огромных состояний некоторых отставных сотрудников министерства внутренних дел и налоговых органов;

14.1.10. мошенническое разбирательство в арбитражных судах Санкт-Петербурга, Москвы и Казани, признавших фиктивные долги, которые якобы свели на нет прибыли компаний, мошенническим образом перерегистрированных, при подготовке раскрытого [первым заявителем] мошенничества с возвратом налогов;

14.1.11. процедура принятия в течение 24 часов решения по возврату налогов на сумму, эквивалентную 230 миллионам долл. США, примененная двумя налоговыми инспекциями, вовлеченными в мошенничество, разоблаченное [первым заявителем], и в частности установление того, была ли проведена предварительная проверка со стороны министерства внутренних дел, учитывая то, что министерство внутренних дел ранее получило подготовленную [первым заявителем] подробную информацию о мошеннической перерегистрации компаний, претендующих на возврат налогов;

14.3. привлечь к ответственности за их действия и бездействие всех тех, кто повинен в смерти [первого заявителя], в особенности тех, кто отдавал приказы на его частые переводы между СИЗО и камерами с постоянным ухудшением условий содержания, кто виновен в том, что ему не была оказана необходимая медицинская помощь, и, в частности, в том, что непосредственно перед его смертью в [следственном изоляторе № 77/1] [первый заявитель] был избит и оставлен один в камере в явно критическом состоянии;

14.4. закрыть посмертное судебное разбирательство в отношении [первого заявителя] и прекратить оказывать давление на его мать и вдову с целью принуждения к участию в этом разбирательстве;

17. Ассамблея предлагает всем другим государствам-членам Совета Европы рассмотреть пути и средства, которые сподвигли бы российские власти к привлечению к ответственности лиц, виновных в смерти [первого заявителя], и к полному расследованию в интересах России и всех ее трудолюбивых, платящих налоги граждан раскрытого им преступления.

18. Ассамблея постановляет внимательно следить за выполнением изложенных выше предложений ...»

172. В тот же день Парламентская Ассамблея вынесла Рекомендацию 2031 (2014) «Недопустимость безнаказанности убийц Сергея Магнитского», которая гласит:

«1. Парламентская ассамблея ссылается на свою резолюцию 1966 (2014) «Недопустимость безнаказанности убийц Сергея Магнитского» и предлагает Комитету министров изучить пути и средства:

1.1. укрепления международного сотрудничества в расследовании "денежного следа" средств, полученных в результате мошеннического возмещения налогов, вскрытого [первым заявителем], и в частности,

1.2. обеспечить, чтобы российские власти в полной мере участвовали в этих усилиях и призвали к ответственности и тех, кто совершил преступление против [первого заявителя] и преступление, которое он раскрыл, и тех, кто извлек для себя выгоду из этих преступлений».

173. 22 января 2019 года Парламентская ассамблея Совета Европы приняла Резолюцию 2252 (2019) «Сергей Магнитский и другие: борьба с безнаказанностью путем наложения адресных санкций», которая в соответствующей части гласит:

«1. Парламентская ассамблея еще раз подтверждает свою готовность бороться с безнаказанностью лиц, виновных в грубых нарушениях прав человека, а также против коррупции как одной из угроз верховенству права

4. С [2014 года] российские власти ничего не сделали для привлечения к ответственности лиц, совершивших преступление против Сергея Магнитского, и тех, кто извлек из него выгоды, несмотря на активное участие его семьи в процессуальных действиях. Все уголовные дела против должностных лиц, причастных к жестокому обращению с г-ном Магнитским и его убийству, были закрыты. Действия некоторых из этих должностных лиц публично получили высокую оценку высокопоставленных представителей государства, а некоторые получили повышение по службе ...»

ПРАВО

I. ОБЪЕДИНЕНИЕ ЖАЛОБ В ОДНО ПРОИЗВОДСТВО

174. Принимая во внимание сходный характер предмета жалоб, Суд считает целесообразным рассмотреть их в рамках одного производства в соответствии с пунктом 1 Правила 42 Регламента Суда.

II. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ СООБРАЖЕНИЯ: ПРАВО ОБРАЩЕНИЯ В СУД

175. Суд отмечает, что после смерти первого заявителя его супруга, являющаяся вторым заявителем, выразила желание добиваться рассмотрения его жалобы. Власти не возражали против этого.

176. Суд обычно разрешает ближайшим родственникам добиваться рассмотрения жалобы при условии, что они имеют законный интерес, если первоначальный заявитель умер после подачи жалобы в Суд (см. постановление Большой Палаты по делу «Мюррей против Нидерландов» (*Murray v. the Netherlands*), жалоба № 10511/10, пункт 79, ECHR 2016; решение Большой Палаты по делу «Мальхаус против Чешской Республики» (*Malhous v. the Czech Republic*), жалоба № 33071/96, ECHR 2000-XII; постановление Суда от 20 декабря 2016 года по делу «Сагвольден против Норвегии» (*Sagvolden v. Norway*), жалоба № 21682/11, пункт 87; и решение Суда от 25 ноября 2014 года по делу «Ларионовс и Тесс против Латвии» (*Larionovs and Tess v. Latvia*), жалобы №№ 45520/04 и 19363/05, пункт 172). В нескольких делах о

нарушениях статей 3 и 5 Конвенции, он уже установил, что близкий родственник покойного заявителя имеет право добиваться рассмотрения жалобы (см. упоминаемое выше постановление по делу «Мюррей против Нидерландов», пункты 79-80; постановление Суда от 17 января 2017 года по делу «Барахоев против России» (*Barakhoyev v. Russia*), жалоба № 8516/08, пункты 21-23; постановление Суда от 15 декабря 2016 года по делу «Вашченковс против Латвии» (*Vaschenkovs v. Latvia*), жалоба № 30795/12, пункты 25 -30; постановление Суда от 19 апреля 2016 года по делу «Сергей Денисов и другие против Россия» (*Sergey Denisov and Others v. Russia*) жалобы №№ 1985/05, 18579/07, 21748/07, 21954/07 и 20922/08, пункты 73-75; постановление Суда от 3 декабря 2015 года по делу «Ярошовец и другие против Украины» (*Yaroshovets and Others v. Ukraine*), жалоба № 74820/10 и 4 другие жалобы, пункт 67; и постановление Суда от 13 ноября 2012 года по делу «Коряк против России» (*Koryak v. Russia*), жалоба № 24677/10, пункты 62-68).

177. Принимая во внимание вышеизложенное и предмет жалобы, Суд признает, второй заявитель имеет законный интерес в рассмотрении жалобы вместо первого заявителя и что она обладает необходимым правом обращения в суд согласно статье 34 Конвенции.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ В СВЯЗИ С ПЛОХИМИ УСЛОВИЯМИ СОДЕРЖАНИЯ ПОД СТРАЖЕЙ

178. Заявители утверждали, что условия содержания первого заявителя в следственном изоляторе № 77/5 в период с 2 декабря 2008 года по 28 апреля 2009 года были ненадлежащими, в нарушение статьи 3 Конвенции, которая гласит:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему его достоинство обращению или наказанию».

А. Доводы сторон

1. Замечания властей

179. Власти утверждали, что в следственном изоляторе № 77/5 г. Москвы первый заявитель содержался в четырех камерах площадью 48.4, 33.1, 39.3 и 36.8 кв.м, в которых находилось двенадцать, восемь, десять и девять заключенных соответственно. У каждого заключенного было индивидуальное спальное место и около 4 кв.м личного пространства. Власти не предоставили копию журнала учреждения или журнала учета количества заключенных, заявив, что они были уничтожены после истечения установленного законом срока

их хранения. Они ссылались на отчет от 1 декабря 2009 года, подготовленный по результатам внутренней проверки в следственном изоляторе, и утверждали, что условия содержания в следственном изоляторе были надлежащими (см. пункт 100 выше).

2. Доводы заявителей

180. Заявители утверждали, что доводы Властей являются необоснованными в отсутствие каких-либо вещественных доказательств, таких как записи и журналы. Они отметили, что властям не следовало уничтожать журналы, особенно учитывая, что заявители подали большое количество жалоб на плохие условия. Они просили Суд сделать выводы из непредставления Властями регистрационных журналов и других документов и установить нарушение статьи 3 Конвенции.

Б. Оценка Суда

1. Приемлемость жалобы

181. Суд напоминает, что при отсутствии эффективного средства правовой защиты жалоба на ненадлежащие условия содержания под стражей должна быть подана в течение шести месяцев с последнего дня заключения заявителя (см. решение Европейского Суда от 10 декабря 2013 года по делу «Марков и Беленцов против России» (*Markov and Belentsov v. Russia*), жалобы №№ 47696/09 и 79806/12, и решение Суда от 5 февраля 2013 года по делу «Норкин против России» (*Norkin v. Russia*), жалоба № 21056/11).

182. Срок содержания под стражей в настоящем деле истек 28 апреля 2009 года. Соответственно, для соблюдения правила шести месяцев жалоба должна была быть подана не позднее 28 октября 2009 года. Первый заявитель подала ее 11 июня 2009 года. Как Суд уже установил, второй заявитель имеет право обращения в суд для продолжения рассмотрения жалобы вместо Магнитского (см. пункт 177 выше). Однако третий заявитель подала отдельный формуляр жалобы 21 августа 2012 года. Не рассматривая вопрос о праве третьего заявителя на подачу жалобы на условия содержания ее сына под стражей, Суд считает, что ее жалоба в любом случае является неприемлемой в связи с несоблюдением шестимесячного срока, установленного в пункте 1 статьи 35 Конвенции, и, следовательно, она подлежит отклонению в соответствии с пунктом 4 статьи 35.

183. Жалоба, поданная первым заявителем, рассмотрения которой добивается второй заявитель, не является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Она не является

неприемлемой по каким-либо иным основаниям, и, следовательно, она должна быть признана приемлемой.

2. Существо жалобы

(а) Общие принципы

184. Применимые общие принципы были изложены в постановлении Большой Палаты по делу «Хлайфия и другие против Италии» (*Khlaifia and Others v. Italy*) (жалоба № 16483/12, пункты 163-67, ЕСПЧ 2016 (извлечения)) и в упоминаемом выше постановлении по делу «Муршич против Нидерландов» (пункты 96-141).

(б) Применение вышеупомянутых принципов к настоящему делу

185. Суд прежде всего отмечает, что стороны по-разному описали условия содержания в следственном изоляторе № 77/5. В частности, они не согласились в том, были ли камеры, в которых содержался первый заявитель, переполнены.

186. Суд неоднократно постановлял, что в делах, касающихся утверждений о ненадлежащих условиях содержания под стражей, принцип «лицо, утверждающее что-либо, должно это доказать» не применяется прямо, поскольку в таких случаях только государство-ответчик имеет доступ к информации, способной подтвердить или опровергнуть эти утверждения. Следовательно, после того, как Суд уведомил Власти о жалобе заявителя, бремя сбора и предоставления соответствующих документов ложиться на Власти. Непредоставление Властями убедительных доказательств в отношении условий содержания под стражей может послужить основанием для решения об обоснованности утверждений заявителя (см. упоминаемое выше постановление по делу «Ананьев и другие против России», пункт 123; постановление Суда от 17 июня 2010 года по делу «Губин против России» (*Gubin v. Russia*), жалоба № 8217/04, пункт 56; и постановление Суда по делу «Худоеров против России» (*Khudoyorov v. Russia*), жалоба № 6847/02, пункт 113, ЕСПЧ 2005-X (извлечения)).

187. Суд напоминает, что хотя уничтожение соответствующих документов в связи с истечением срока хранения вызывает сожаление, само по себе оно не может рассматриваться как неудовлетворительное объяснение их непредоставления (см. постановление Суда от 4 апреля 2013 года по делу «Ивахненко против России» (*Ivakhnenko v. Russia*), жалоба № 12622/04, пункт 32; постановление Суда от 17 июня 2010 года по делу «Щербаков против России» (*Shcherbakov v. Russia*), жалоба № 23939/02, пункт 77; и постановление Суда от 9 октября 2008 года по делу «Олег Никитин против России» (*Oleg Nikitin v. Russia*), жалоба № 36410/02, пункты 48 и 49). Суду необходимо рассмотреть сроки выполнения этого действия, а также другие соответствующие

фактические обстоятельства дела. В частности, необходимо принять во внимание, насколько добросовестно власти действовали в данном случае (см., упоминаемое выше постановление Суда по делу «Щербаков против России» и упоминаемое выше постановление Суда по делу «Олег Никитин против России»).

188. Возвращаясь к доводу Властей об уничтожении журналов, Суд отмечает, что власти не только не смогли представить записи, подтверждающие уничтожение, но и указать дату, когда их уничтожили, или указать юридическое основание для уничтожения. Поэтому нельзя сделать вывод о том, что Власти действовали с должной осмотрительностью в этом вопросе. Это особенно важно с учетом того, что Суд часто устанавливал, что при обращении с документами тюрем Власти не проявляли должной осмотрительности (см. упоминаемое выше постановление по делу «Ананьев и другие против России», пункт 125; упоминаемое выше постановление по делу «Ананьев Щербаков против России», пункт 78; постановление Суда от 1 апреля 2010 года по делу «Гультяева против России» (*Gultyayeva v. Russia*), жалоба № 67413/01, пункт 154; и постановление Суда от 10 февраля 2009 года по делу «Новинский против России» (*Novinskiy v. Russia*), жалоба № 11982/02, пункты 102-03).

189. В любом случае, уничтожение документов не освобождает Властей от обязательства по подтверждению их фактических замечаний с помощью соответствующих доказательств (см. постановление Большой Палаты по делу «Блохин против России» (*Blokhin v. Russia*), жалоба № 47152/06, пункт 143, ЕСПЧ 2016, и упоминаемое выше постановление по делу «Ананьев и другие против России», пункт 125).

190. Суд отмечает, что Власти ссылались на отчет от 1 декабря 2009 года (см. пункт 179 выше). Однако этот документ содержит крайне мало информации о следственном изоляторе № 77/5. В частности, в отчете не упоминаются камеры, в которых содержался первый заявитель, не указывается их площадь и количество спальных мест и задержанных в каждой из них. В нем содержится лишь краткий вывод о том, что внутригосударственный стандарт личного пространства, то есть 4 кв.м. на заключенного, был соблюден (см. пункт 100 выше). Остается неясным, на основании каких доказательств был сделан этот вывод, поскольку оригиналы документов, которые могли бы привести к соответствующим выводам и позволили бы определить предоставленное заключенным личное пространство, были уничтожены.

191. В отсутствие убедительной информации от Властей, Суд рассмотрит этот вопрос на основании утверждений первого заявителя (см. постановление Суда от 12 ноября 2015 года по делу «Морозов против России» (*Morozov v. Russia*), жалоба № 38758/05, пункт 68, и

постановление Суда от 7 июня 2007 года по делу «Игорь Иванов против России», жалоба № 34000/02, пункт 35). Следовательно, он считает установленным, что в некоторых случаях он содержался в камерах площадью от 20 до 30 кв.м. вместе с восемью-пятнадцатью другими заключенными и не имел индивидуального спального места (см. пункт 58 выше).

192. Суд отмечает, что у него уже была возможность изучить условия содержания под стражей в том же следственном изоляторе № 77/5 г. Москвы, существовавшие примерно в тот же период. В частности, в делах «Мулюков и другие против России» (*Mulyukov and Others v. Russia*) ([Комитет], жалоба № 31044/08 и 9 других жалоб, 12 октября 2017 года) и «Аристов и другие против России» (*Aristov and Others v. Russia*) ([Комитет], жалобы №№ 36101/11, 36831/11, 52683/12, 63745/12, 59337/13, 67679/13, 67943/13, 77397/13, 3251/14, 9694/14, 13257/14 и 19016/14, 21 июля 2016 года), он установил, что заявителям было предоставлено от 1,1 до 2,5 кв.м. личного пространства.

193. Принимая во внимание свою практику в отношении переполненности тюрем (см. упоминаемое выше постановление по делу «Муршич против Нидерландов», пункт 124; постановление Суда от 13 декабря 2016 года по делу «Идалов против России (№ 2)» (*Idalov v. Russia (no. 2)*), жалоба № 41858/08, пункты 105-09, и упоминаемое выше постановление по делу «Ананьев против России», пункт 166), и свои выводы в аналогичных упомянутых выше делах, Суд считает, что первый заявитель содержался в условиях сильной переполненности, что равносильно бесчеловечному и унижающему достоинство обращению в нарушение статьи 3 Конвенции.

194. Следовательно, в этой связи было допущено нарушение статьи 3 Конвенции.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

195. Заявители жаловались на то, что первый заявитель был лишен свободы в нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции и, в частности, что его арест не был основан на разумных подозрениях в совершении им преступления и не являлся необходимым для целей подпункта «с» пункта 1 статьи 5, которая гласит:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе, как в следующих случаях и в порядке, предусмотренном законом:

(с) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются

достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения [...]

...»

А. Доводы сторон

1. Доводы властей

196. Власти утверждали, что первый заявитель был законно задержан по обоснованному подозрению в причастности к уклонению от уплаты налогов. «Обоснованность» подозрения подтверждалась достаточными доказательствами, включая свидетельские показания. Они также отметили, что задержание было оправдано риском того, что он скроется от следствия. Согласно доказательствам, представленным следственным органом, первый заявитель подал заявление на получение визы в Соединенное Королевство и попросил туристическое агентство забронировать рейс в Киев.

2. Доводы заявителей

197. Заявители указали, что отсутствие беспристрастности со стороны следственного органа привело к конфликту интересов, что сделало задержание первого заявителя произвольным. Его реальная цель заключалась в том, чтобы заставить его дать признательные показания или отказаться от своих обвинений в коррупции со стороны государственных должностных лиц. Заявители также утверждали, что подозрение в причастности первого заявителя к преступлению основано на недостаточных доказательствах.

Б. Оценка Суда

198. Суд повторяет общие принципы, регулирующие понятие произвольного задержания, которые изложены в пунктах 77-79 постановления Большой Палаты от 9 июля 2009 года по делу «Мурен против Германии» (*Mooren v. Germany*), жалоба № 11364/03). Содержание под стражей является «произвольным», если, несмотря на соблюдение национального законодательства, присутствует элемент недобросовестности или обмана со стороны органов власти (см. постановление Большой Палаты по делу «Саади против Соединенного Королевства» (*Saadi v. the United Kingdom*), жалоба № 13229/03, пункт 69, ЕСПЧ 2008, и постановление Суда от 18 декабря 1986 года по делу «Бозано против Франции» (*Bozano v. France*), пункт 59, Серия А № 111).

199. Кроме того, в контексте подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции обоснование решения о заключении под стражу является

важным фактором при определении того, следует ли считать задержание произвольным. Суд счел, что отсутствие оснований принятия судебными органами постановлений о заключении под стражу на длительный срок может нарушать принцип защиты от произвола, закрепленный в пункте 1 статьи 5 (см. постановление Суда от 1 марта 2007 года по делу «Белевицкий против России» (*Belevitskiy v. Russia*), жалоба № 72967/01, пункт 91; постановление Суда от 2 марта 2006 года по делу «Нахманович против России» (*Nakhmanovich v. Russia*), жалоба № 55669/00, пункт 70; и постановление Суда от 21 марта 2002 года по делу «Сташаитис против Литвы» (*Stasaitis v. Lithuania*), жалоба № 47679/99, пункт 67). И наоборот, он устанавливал, что содержание заявителя под стражей не может считаться произвольным, если национальный суд привел конкретные основания, оправдывающие продление срока содержания под стражей (сравните с упоминаемым выше постановлением по делу «Худоев против России», пункт 131), если только приведенные основания не являются слишком лаконичными и не содержат ссылки на правовое положение, которое разрешает содержание заявителя под стражей (сравните с упоминаемым выше постановлением по делу «Худоев против России», пункт 157).

200. Важной частью защиты от произвольного ареста и содержания под стражей является «обоснованность» подозрения, на котором должен основываться арест. Наличие «разумного подозрения» предполагает наличие фактов или информации, которые способны убедить объективного наблюдателя в том, что соответствующее лицо могло совершить преступление (см. постановление Суда от 13 апреля 2017 года по делу «Подесчи против Сан-Марино» (*Podeschi v. San Marino*), жалоба № 66357/14, пункт 144, и постановление Суда от 30 августа 1990 года по делу «Фокс, Кэмпбелл и Хартли против Соединенного Королевства» (*Fox, Campbell and Hartley v. the United Kingdom*), пункт 32, Серия А № 182).

201. Возвращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Суд отмечает, что, хотя предполагаемый конфликт интересов может быть аргументом в поддержку вывода о том, что содержание первого заявителя под стражей было произвольным, сам по себе он не может привести к такому выводу. Суд может принять такое решение, только если он установит элемент недобросовестности или обмана со стороны властей.

202. В настоящем деле он не усматривает таких элементов. Суд отмечает, что проверка предполагаемого уклонения от уплаты налогов, которая привела к возбуждению уголовного дела в отношении Магнитского, началась в 2004 году, задолго до того, как он пожаловался на то, что сотрудники прокуратуры причастны к мошенническим действиям (см. пункт 31 выше). Решение арестовать

его было принято только после того, как следственный орган узнал о его заявлении на визу в Соединенное Королевство и о том, что он забронировал билеты в Киев, и после того, как его не обнаружили по месту его жительства (см. пункты 38 и 39 выше). На следующий день после ареста первый заявитель был доставлен в компетентный суд, который должен был принять решение об избрании меры пресечения. Этого было достаточно, чтобы его арест отвечал «цели», указанной в подпункте «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции (см. постановление Большой Палаты от 28 ноября 2017 года по делу «Мерабишвили против Грузии» (*Merabishvili v. Georgia*), жалоба № 72508/13, пункт 188). Суд также учитывает тот факт, что в ходе судебного разбирательства по вопросу об избрании меры пресечения ни первый заявитель, ни его адвокат не сделали никаких заявлений о недобросовестности или давлении со стороны полиции (см. пункт 39 выше).

203. Суд также отмечает, что первый заявитель был арестован по подозрению в причастности к двум эпизодам уклонения от уплаты налогов. Подозрение было основано на документальных доказательствах и показаниях нескольких свидетелей. Один из них дал показания о том, что первый заявитель принимал участие в организации фиктивного трудоустройства, платил за это деньги и давал указания, как вести себя в случае допроса органами власти (см. пункты 31 и 36 выше). Суд считает, что на тот момент этих доказательств было достаточно, чтобы убедить объективного наблюдателя в том, что первый заявитель мог совершить преступление, в котором он обвинялся (сравните с постановлением Суда по делу «Гусинский против России» (*Gusinskiy v. Russia*), жалоба № 70276/01, пункт 55, ЕСПЧ 2004-IV, и, в качестве противоположного примера, постановление Суда от 11 октября 2016 года по делу «Каспаров против России» (*Kasparov v. Russia*), жалоба № 53659/07, пункт 53, постановление Суда от 17 марта 2016 года по делу «Расул Джафаров против Азербайджана» (*Rasul Jafarov v. Azerbaijan*), жалоба № 69981/14, пункты 121-32, постановление Суда от 22 мая 2014 года по делу «Ильгар Маммадов против Азербайджана» (*Ilgar Mammadov v. Azerbaijan*), жалоба № 15172/13, пункты 90-99, и постановление Суда от 6 ноября 2008 года по делу «Канджов против Болгарии» (*Kandzhov v. Bulgaria*), жалоба № 68294/01, пункты 57-61).

204. Суд также отмечает, что районный суд тоже обосновал содержание Магнитского под стражей, ссылаясь на тяжесть обвинений и риск того, что он окажет давление на свидетелей, скроется от правосудия или совершит повторное преступление. Эти утверждения были основаны на выводе о том, что он оказывал влияние на свидетелей, не проживал по зарегистрированному адресу, когда следователь пытался вызвать его, и готовился бежать за границу (см.

пункт 39 выше). Таким образом, этот список оснований для заключения под стражу был конкретным и достаточно подробным.

205. С учетом вышеизложенного Суд приходит к выводу о том, что арест первого заявителя не был произвольным и что он был основан на разумных подозрениях в совершении им преступления. Таким образом, данная жалоба является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции и должна быть отклонена в соответствии с пунктом 4 статьи 35.

V. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 3 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

206. Заявители жаловались на то, что продолжительность предварительного заключения Магнитского нарушила требование «разумного срока», закрепленное в пункте 3 статьи 5 Конвенции, который гласит:

«Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом (с) пункта 1 настоящей статьи ... имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть осуществлено предоставлением гарантий явки в суд...»

A. Доводы сторон

1. Замечания властей

207. Власти утверждали, что избрание меры пресечения было обусловлено поведением первого заявителя, в частности его попытками повлиять на свидетелей и скрыться. Каждое постановление о заключении под стражу было основано на существенных и достаточных основаниях, оправдывающих его предварительное заключение под стражу. Следственный орган проявил «особую тщательность» при рассмотрении дела и не затягивал разбирательство. Длительность производства могла объясняться особой сложностью дела, большим объемом материалов дела и широким географическим разбросом преступлений.

2. Доводы заявителей

208. Заявители настаивали на том, что весь период содержания под стражей основывался на необоснованных аргументах, приведенных судом в первом постановлении о заключении под стражу. В последующих постановлениях о заключении под стражу суды неоднократно повторяли свою формальную и ошибочную аргументацию. Они не рассмотрели должным образом доводы,

представленные стороной защиты, и не рассмотрели возможность избрания альтернативной меры пресечения вместо предварительного заключения. Следственные органы не проявили должного усердия.

Б. Оценка Суда

1. Приемлемость жалобы

209. Суд отмечает, что обжалуемый период, закончился 16 ноября 2009 года — день смерти первого заявителя. Таким образом, для соблюдения правила шести месяцев жалоба должна была быть подана в течение шести месяцев с этого дня (см. *mutatis mutandis*, постановление Большой Палаты от 22 мая 2012 года по делу «Идалов против России» (*Idalov v. Russia*), жалоба № 5826/03, пункт 130, и упоминаемое выше по делу «Ярошовец и другие против Украины», пункт 117), то есть не позднее 16 мая 2010 года.

210. Третий заявитель подала свою отдельную жалобу 21 августа 2012 года. Суд вновь считает, что у него нет необходимости рассматривать вопрос о ее праве на подачу жалобы на содержание под стражей ее сына, поскольку ее жалоба на нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции в любом случае является неприемлемой в связи с несоблюдением шестимесячного срока, установленного в пункте 1 статьи 35 Конвенции. Следовательно, жалоба должна быть отклонена в соответствии с пунктом 4 статьи 35 Конвенции.

211. Жалоба, поданная первым заявителем, поддержанная вторым заявителем в ее жалобе, не является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям, и, следовательно, она должна быть признана приемлемой.

2. Существо жалобы

(а) Общие принципы

212. Применимые общие принципы были вкратце изложены в постановлении Суда по делу «Мерабишвили против Грузии» (упоминаемом выше, пункты 222-25); в постановлении Большой Палаты от 5 июля 2016 года по делу «Бузаджи против Республики Молдова» (*Buzadji v. the Republic of Moldova*) (жалоба № 23755/07, пункты 84-102); в упоминаемом выше постановлении Большой Палаты по делу «Идалов против России» (пункты 115-33); и в постановлении Суда от 24 марта 2016 года по делу «Жеребин против России» (*Zherebin v. Russia*) (жалоба № 51445/09, пункты 49-54).

(б) Применение вышеупомянутых принципов к настоящему делу

213. Первый заявитель был задержан 24 ноября 2008 года и содержался под стражей в период расследования вплоть до его смерти 16 ноября 2009 года. Таким образом, период, который должен быть принят во внимание, составляет почти двенадцать месяцев.

214. Принимая во внимание этот значительный период содержания под стражей с учетом презумпции в пользу освобождения, Суд считает, что российские власти должны были привести веские причины для его содержания под стражей (см. постановление Суда от 21 июня 2016 года по делу «Г. против России» (*G. v. Russia*), жалоба № 42526/07, пункт 112).

215. Принимая во внимание свой вывод в пункте 205 выше, Суд признает, что обоснованное подозрение в том, что первый заявитель совершил преступления, сохранялось в течение всего периода предварительного следствия. Остается выяснить, привели ли суды «существенные» и «достаточные» основания для обоснования его длительного содержания под стражей и проявили ли они «особую тщательность» при проведении разбирательства.

216. При продлении срока содержания первого заявителя под стражей в качестве основного фактора суды постоянно ссылались на тяжесть обвинений. В этой связи Суд хотел бы еще раз подчеркнуть, что тяжесть обвинений сама по себе не может служить оправданием длительного периода содержания под стражей (см. постановление Суда от 8 февраля 2018 года по делу «Рамковски против бывшей югославской Республики Македонии» (*Ramkovski v. the former Yugoslav Republic of Macedonia*), жалоба № 33566/11, пункт 59; постановление Суда от 20 февраля 2014 года по делу «Новруз Исмаилов против Азербайджана» (*Novruz Ismayilov v. Azerbaijan*), жалоба № 16794/05, пункт 53; и постановление Суда от 20 февраля 2014 года по делу «Зайдов против Азербайджана» (*Zayidov v. Azerbaijan*), жалоба № 11948/08, пункт 59).

217. Другими основаниями для длительного содержания Магнитского под стражей были выводы национальных судов о том, что он может скрыться, воспрепятствовать отправлению правосудия, оказав давление на свидетелей или совершить повторное преступление.

218. В этой связи Суд напоминает, что в том, что касается наличия таких рисков, нельзя измерять их исключительно тяжестью возможного наказания. Риски должны оцениваться с учетом ряда других соответствующих факторов, которые могут либо подтвердить их существование, либо сделать их настолько незначительными, что они не могут оправдать содержание под стражей в ожидании судебного разбирательства (см. упоминаемое выше постановление по делу «Жеребин против России», пункт 58).

219. Утверждения о том, что Магнитский может скрыться или воспрепятствовать отправлению правосудия, были основаны главным образом на информации о том, что до его ареста он готовился покинуть Россию, и что он оказывал давление на свидетелей по его делу. Суд понимает обеспокоенность властей, когда они впервые получили соответствующую информацию. Он признает, что ввиду тяжести обвинений, предъявленных первому заявителю и серьезности информации, представленной следственными органами, суды имели все основания полагать, что первоначальный риск бегства первого заявителя или оказания давления на свидетелей был подтвержден. Однако с течением времени само наличие этой информации неизбежно становилось все менее и менее значительным, особенно учитывая, что первый заявитель настойчиво оспаривал свою способность скрыться, утверждая, что не существовало никаких записей о его заявлении на получение визы в Соединенное Королевство, и ссылаясь на его плохое состояние здоровья и семейное положение, чтобы подтвердить, что угроза его бегства отсутствует (см., в качестве противоположного примера, постановление Суда от 26 января 1993 года по делу «У. против Швейцарии» (*W. v. Switzerland*), пункт 33, Серия А № 254-А). Суд также не упускает из виду тот факт, что, санкционируя еще одно продление срока его содержания под стражей, суды не объяснили, почему эти риски не могли быть устранены какими-либо другими средствами обеспечения его явки в суд (см. постановление Суда от 12 января 2016 года по делу «Хайлетдинов против России» (*Khayletdinov v. Russia*), жалоба № 2763/13, пункт 96; упоминаемое выше постановление по делу «Жеребин против России», пункт 59; и постановление Суда от 17 октября 2013 года по делу «Сергей Васильев против России» (*Sergey Vasilyev v. Russia*), жалоба № 33023/07, пункт 85).

220. В связи с выводами национальных судов о том, что Магнитский мог оказать давление на свидетелей, Европейский Суд учитывает, что его служебное положение и информация о его предыдущих встречах со свидетелями, когда он предположительно давал им указания о том, как вести себя при разговоре с властями, были важными факторами для определения судами того, существует ли риск воспрепятствования правосудию. В то же время Суд сомневается в обоснованности этого довода для продолжительного содержания первого заявителя под стражей. Для того чтобы продемонстрировать, что существенный риск сговора существовал в течение всего периода содержания первого заявителя под стражей, национальным судам недостаточно было просто сослаться на его официальную должность. Они должны были проанализировать другие значимые факторы, такие как ход расследования или судебного разбирательства, личность заявителя, его поведение до и после

задержания и любые другие конкретные указания, подтверждающие опасение по поводу того, что он может злоупотребить предоставленной ему свободой, совершив действия, направленные на фальсификацию или уничтожение доказательств или оказание давления на свидетелей (см. упоминаемое выше постановление Суда по делу «У. против Швейцарии», пункт 36, серия А № 254-А).

221. Суд также отмечает, что вывод о том, что первый заявитель может повторно совершить преступление, не был подкреплён какими-либо фактическими или юридическими доводами. Власти не указали на какие-либо аспекты его характера или поведения, которые могли бы поддержать их вывод о том, что он представлял такой риск (см. постановление Суда от 7 ноября 2017 года по делу «Дудченко против России» (*Dudchenko v. Russia*), жалоба № 37717/05, пункт 139, и постановление Суда от 15 мая 2014 года по делу «Тараненко против России» (*Taranenko v. Russia*), жалоба № 19554/05, пункт 54).

222. Суд придает особое значение тому факту, что национальные власти перевернули презумпцию в пользу освобождения (см. упоминаемое выше постановление по делу «Бузаджи против Республики Молдова», пункт 89 с дополнительными ссылками), указав, что в отсутствие новых обстоятельств мера пресечения должна оставаться неизменной (см. пункты 41, 45, 48 и 50 выше). Перевернув правило, закрепленное в статье 5 Конвенции, которая делает заключение под стражу исключительным отступлением от права на свободу, и допустимым только в исчерпывающем перечне случаев, они переложили бремя доказывания на содержащегося под стражей Магнитского. Эта практика уже была подвергнута критике Судом в ряде постановлений (см. упоминаемое выше постановление по делу «Жеребин против России», пункт 60; постановление Суда от 19 декабря 2013 года по делу «Пастухов и Елагин против России» (*Pastukhov and Yelagin v. Russia*), жалоба № 55299/07, пункт 49; постановление Суда от 26 июля 2001 года по делу «Ильиков против Болгарии» (*Ilikov v. Bulgaria*), жалоба № 33977/96, пункты 84-85; постановление Суда от 7 апреля 2005 года по делу «Рохлина против России» (*Rokhlina v. Russia*), жалоба № 54071/00, пункт 67).

223. С учетом вышеизложенного, Суд считает, что власти продлевали срок содержания заявителя под стражей на основаниях, которые нельзя считать «достаточными» для обоснования его длительности. Соответственно, было допущено нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции. При таких обстоятельствах у Суда нет необходимости рассматривать вопрос о том, действовали ли внутригосударственные органы власти с «особой тщательностью».

VI. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ В СВЯЗИ С ЖЕСТОКИМ ОБРАЩЕНИЕМ И НЕНАДЛЕЖАЩИМ РАССЛЕДОВАНИЕМ СОБЫТИЙ

224. Третий заявитель жаловалась на то, что Магнитский подвергся жестокому обращению со стороны охранников в следственном изоляторе № 77/1 16 ноября 2009 года, и что по данному факту не было проведено эффективное расследование в нарушение статьи 3 Конвенции. Это положение Конвенции было изложено выше.

А. Доводы сторон

1. Замечания властей

225. Власти утверждали, что 16 ноября 2009 года сотрудники изолятора надели на первого заявителя наручники в связи с его агрессивным поведением, вызванным психозом. Однако надзиратели не использовали никаких других «специальных средств», таких как резиновая дубинка. По утверждению Властей, гематомы и ссадины на запястьях Магнитского появились в результате применения наручников; ссадины и синяки на левой руке, левой голени и правой лодыжке были нанесены им самостоятельно, когда у первого заявителя случился психопатический припадок; а синяк на правой лодыжке появился за несколько дней до его смерти и мог быть результатом ненасильственной травмы. Власти сослались на показания нескольких свидетелей, которые настаивали на том, что во время психопатического припадка первый заявитель начал метаться в камере и бить медицинской кушеткой по металлическим прутьям (см. пункт 82 выше).

226. Власти не прокомментировали ход расследования смерти Магнитского.

2. Доводы третьего заявителя

227. Третий заявитель утверждал, что охранники изолятора надели на первого заявителя наручники и избили его резиновой дубинкой за несколько часов до его смерти. В подтверждение этого утверждения она в том числе опиралась на отчет от 16 ноября 2009 года, подготовленный сотрудником Куз. (см. пункт 84 выше), свидетельство о смерти (см. пункт 93 выше) и второе заключение медицинской экспертной комиссии от 15 июня 2011 года (см. пункт 132 выше). Она также указала на различные несоответствия и пробелы в объяснении событий властями и утверждала, что расследование не было независимым, беспристрастным, быстрым и тщательным и было недоступно для общественного контроля.

Б. Оценка Суда

1. Приемлемость жалобы

228. Прежде всего, Суд отмечает, что третий заявитель может утверждать, что она является жертвой предполагаемого нарушения по смыслу статьи 34 Конвенции (см. постановление Большой Палаты по делу «Чакичи против Турции» (*Çakıcı v. Turkey*), жалоба № 23657/94, пункты 88-93), ECHR 1999-IV; постановление Суда от 6 декабря 2011 года по делу «Де Дондер и Де Клиппел против Бельгии» (*De Donder and De Clippel v. Belgium*), жалоба № 8595/06, пункты 53-62; и постановление Суда от 16 октября 2008 года по делу «Ренольде против Франции» (*Renolde v. France*), жалоба № 5608/05, пункт 69).

229. Далее Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Суд также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, жалоба должна быть признана приемлемой.

2. Существо жалобы

(а) Общие принципы

230. Применимые общие принципы были вкратце изложены в деле постановлении Большой Палаты по делу «Буйид против Бельгии» (*Bouyid v. Belgium*) (жалоба № 23380/09, пункты 81-88, ECHR 2015) и постановление Большой Палаты от 14 апреля 2015 года по делу «Мустафа Тунче и Фечире Тунч против Турции» (*Mustafa Tunç and Fecire Tunç v. Turkey*) (жалоба № 24014/05, пункты 169-82).

(б) Применение вышеупомянутых принципов к настоящему делу

(i) Правдоподобие утверждения третьего заявителя и презумпция факта

231. Стороны не оспаривают тот факт, что 16 ноября 2009 года, во время нахождения под стражей, у первого заявителя появилось несколько синяков и ссадин на запястьях, руках и левой ноге. По данным медицинских экспертов, травмы были нанесены твердым тупым предметом. Они не исключали, что этим предметом могла быть полицейская дубинка (см. пункт 134 выше). Соответственно, Европейский Суд полагает, что телесные повреждения могли быть получены в результате избиения сотрудниками изолятора.

232. Вышеизложенного достаточно для того, чтобы создать презумпцию в пользу версии событий, изложенной третьим заявителем, и убедить Суд в том, что ее утверждения о жестоком обращении в заключении заслуживают доверия. Отчет об использовании резиновой дубинки, на который ссылается третий

заявитель (см. пункт 84 выше), является еще одним фактором в пользу ее версии событий и усиливает презумпцию, упомянутую в предыдущем пункте.

(ii) *Было ли проведено эффективное расследование по жалобе на жестокое обращение*

233. Суд убежден в то, что вскоре после смерти первого заявителя началась доследственная проверка, и некоторые важные следственные действия, такие как осмотр месте происшествия и вскрытие, были проведены без неоправданных задержек (см. пункты 96 и 97 выше). Оба следственных действия выявили телесные повреждения на теле первого заявителя. Отражение этих телесных повреждений, а также возможной травмы головы в свидетельстве о смерти (см. пункт 93 выше) вместе со ссылкой в записях на использование резиновой дубинки, должна была вызвать подозрения в применении силы в отношении первого заявителя.

234. Однако этот вопрос не был рассмотрен следственным органом. В решение о прекращении уголовного дела не приводилось никаких объяснений относительно непринятия доказательств, подтверждающих утверждения о жестоком обращении, таких как записи об использовании резиновой дубинки и свидетельство о смерти (см. пункт 93 выше). Следственный орган не приложил никаких усилий для устранения расхождений между имеющимися доказательствами и выводами в решении о закрытии дела, например, между записями, в которых тюремный охранник сообщил об использовании резиновой дубинки в отношении первого заявителя и выводом следователя о то, что в отношении Магнитского не применялось никаких специальных средств кроме наручников. На вопрос о том, почему в свидетельстве о смерти упоминается закрытая черепно-мозговая травма, не было дано никакого ответа (см. *mutatis mutandis*, постановление Суда от 6 декабря 2016 года по делу «Михаил Николаев против России» (*Mikhail Nikolayev v. Russia*), жалоба № 40192/06, пункт 99).

235. Суду известно, что внутригосударственные органы власти рассмотрели, по крайней мере, некоторые из телесных повреждений первого заявителя. В частности, они пришли к выводу о том, что телесные повреждения были «нанесены им самостоятельно во время агрессивного поведения» первого заявителя. Суд не принимает это объяснение. Вывод был сформулирован в очень общих терминах и не был подтвержден никакими доказательствами. Ни один из свидетелей, допрошенных в ходе проверки, не видел, как первый заявитель причиняет себе вред. Свидетели лишь сказали, что он метался по камере и бил медицинской кушеткой по металлическим прутьям. Ни одно из этих действий не было связано с возможной причиной его телесных повреждений.

236. Суд напоминает, что Власти не привели никаких аргументов относительно качества расследования по заявлению о предполагаемом жестоком обращении с первым заявителем со стороны надзирателей изолятора. В свете вышеизложенных выводов и в отсутствие со стороны Властей каких-либо веских аргументов для оправдания бездействия органов власти, Суд приходит к выводу, что следственный орган не пытался по-настоящему выяснить события, произошедшие за несколько часов до смерти Магнитского. Поэтому он считает, что расследование не было тщательным и эффективным. Следовательно, расследование предполагаемого жестокого обращения с Магнитским в изоляторе до его смерти не отвечало требованиям статьи 3 Конвенции. Суд не видит необходимости в дополнительном рассмотрении вопроса о том, были ли соблюдены какие-либо другие гарантии этого положения Конвенции российскими властями в ходе расследования (см. постановление Суда от 18 июля 2017 года по делу «Нина Куценко против Украины» (*Nina Kutsenko v. Ukraine*), жалоба № 25114/11, пункт 154).

(iii) Предоставили ли Власти объяснение, которое могло бы поставить под сомнение версию событий, изложенную третьим заявителем

237. Власти поддержали выводы следственного органа о том, что телесные повреждения первого заявителя были причинены не сотрудниками изолятора, а им самим в результате агрессивного поведения самого Магнитского.

238. В пункте 235 выше Суд уже подчеркнул недостаточность такого неубедительного объяснения на фоне заслуживающего доверия утверждения о жестоком обращении. В своих замечаниях Власти не дали более убедительного или подробного объяснения происхождению телесных повреждений.

239. Следовательно, Суд считает, что Власти не сняли с себя бремя доказывания. Таким образом, он принимает версию событий, изложенную третьим заявителем, и считает, что 16 ноября 2009 года Магнитский подвергся жестокому обращению со стороны охранников в следственном изоляторе.

(iv) Правовая квалификация обращения

240. Принимая во внимание преднамеренный характер жестокого обращения, характер телесных повреждений и степень страданий, которым подвергся первый заявитель, Суд считает, что рассматриваемый акт насилия представлял собой бесчеловечное и унижающее достоинство обращение (см. постановление Суда от 2 мая 2017 года по делу «Кондаков против России» (*Kondakov v. Russia*), жалоба № 31632/10, пункт 37, постановление Суда от 2 мая 2017 года по делу «Ситников против России» (*Sitnikov v. Russia*), жалоба №

14769/09, пункт 42, и постановление Суда от 18 апреля 2013 года по делу «Береснев против России» (*Beresnev v. Russia*), жалоба № 37975/02, пункт 112).

(v) *Заключение*

241. Следовательно, было допущено нарушение статьи 3 Конвенции в ее материальном и процессуальном аспектах.

VII. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 2 КОНВЕНЦИИ

242. Ссылаясь на статьи 2 и 3 Конвенции, второй и третий заявители жаловались на то, что власти не оказали первому заявителю медицинскую помощь и, следовательно, они несут ответственность за его смерть. Третий заявитель также жаловалась на то, что расследование по факту смерти ее сына не соответствовало требованиям Конвенции.

243. Суд считает, что вышеупомянутые жалобы должны быть рассмотрены с точки зрения позитивных обязательств, предусмотренных статьей 2 Конвенции, соответствующая часть которой гласит:

«1. Право каждого лица на жизнь охраняется законом. ...»

А. Доводы сторон

1. *Замечания властей*

244. Власти утверждали, что первый заявитель получал надлежащую медицинскую помощь в следственных изоляторах. В частности, 7 октября и 13 ноября 2009 года он был переведен в медицинскую часть изолятора. Как только 16 ноября 2009 года состояние его здоровья стало критическим, сотрудники изолятора подготовились к его переводу в больницу следственного изолятора. Поздним вечером того же дня его состояние внезапно ухудшилось, и через несколько часов он умер.

245. Власти также утверждали, что расследование по поводу качества медицинской помощи было эффективным и тщательным. В частности, было опрошено более пятидесяти свидетелей и проведено более двадцати экспертиз. Они выявили несколько недостатков в действиях медицинского органа. Например, в истории болезни первого заявителя был существенный пробел (врачи не делали регулярных записей о состоянии здоровья первого заявителя); он не прошел УЗИ и не был осмотрен хирургом; врач Л. с задержкой поставил правильный диагноз; а врач А.Г. не дала ему подходящие успокоительные, внутривенную жидкость и не обеспечила кардиостимулирующую

терапию 16 ноября 2009 года. Однако болезнь Магнитского было трудно диагностировать, и причинная связь между вышеупомянутыми недостатками и его смертью отсутствует. Уголовное дело в отношении врача Д.К. по обвинению в преступной халатности закончилось его оправданием. Врач Л., обвинявшийся в смерти первого заявителя, не был привлечен к уголовной ответственности в связи с истечением срока давности.

246. Власти отметили, что второй и третий заявители по-прежнему могут подать против врача Л. гражданский иск о возмещении ущерба. Поскольку они этого не сделали, их жалобы на нарушение статьи 2 Конвенции в ее материальном аспекте должны быть отклонены в связи с неисчерпанием внутригосударственных средств правовой защиты.

2. Доводы заявителей

247. Заявители оспорили возражение Властей относительно неисчерпания внутригосударственных средств правовой защиты. Ссылаясь на постановление Суда от 15 июля 2014 года по делу «Петрович против Сербии» (*Petrović v. Serbia*) (жалоба № 40485/08, пункт 80), они заявили, что гражданско-правовое средство правовой защиты не может обеспечить эффективное возмещение в их случае. Если бы государству было разрешено ограничивать реакцию на случаи преднамеренного жестокого обращения, причинившего смерть, со стороны представителей государства, простой выплатой компенсации, не принимая достаточных мер для возбуждения судебного преследования и наказания виновных, эти представители могли бы нарушать права лиц, находящихся под их контролем, практически безнаказанно. Несмотря на свою фундаментальную важность, общий правовой запрет на убийства и пытки, а также на бесчеловечное и унижающее достоинство обращение станет неэффективным на практике (там же).

248. Что касается существа дела, то второй и третий заявители указали на многочисленные упущения со стороны властей, подчеркнув, в частности, отсутствие надлежащих диагностических мер и непроведение запланированной операции. Они также обратили внимание Суда на неадекватную и запоздалую реакцию чиновников на критическое ухудшение состояния здоровья Магнитского 16 ноября 2009 года, включая запоздалый вызов скорой помощи, неспособность бригады скорой психиатрической помощи увидеть его сразу же после их прибытия, и тот факт, что его оставили умирать в одиночестве в клетке.

249. Заявители утверждали, что расследование не отвечало требованиям беспристрастности, независимости, оперативности, эффективности и прозрачности. В частности, следственный орган не был независим от должностных лиц, которых первый заявитель

обвинял в мошенничестве, следователь был предвзятым, и он не провел эффективного расследования. Следователь не смог обеспечить надлежащее вскрытие, получить записи с камер видеонаблюдения о событиях 16 ноября 2009 года, допросить каждого члена бригады скорой медицинской помощи и объяснить расхождения между различными доказательствами.

Б. Оценка Суда

1. Приемлемость жалобы

250. Суд напоминает, что в случае утверждения о нарушении права на жизнь учреждения Конвенции принимают жалобы от родственников погибшего (см. постановление Суда от 11 февраля 2016 года по делу «Карпиленко против Украины» (*Karpylenko v. Ukraine*), жалоба № 15509/12, пункт 73, и постановление Суда от 14 мая 2002 года по делу «Шемси Онен против Турции» (*Şemsi Onen v. Turkey*), жалоба № 22876/93). Таким образом, второй заявитель — вдова Магнитского, и третий заявитель — его мать, могут жаловаться на нарушение статьи 2 Конвенции в связи с его смертью во время нахождения под стражей.

251. Суд отмечает довод Властей о том, что заявители должны были потребовать от врача Л. компенсацию вреда, после прекращения уголовного дела в ее отношении.

252. Ранее Суд уже устанавливал, что при наличии нескольких средств правовой защиты заявитель не обязан использовать более одного средства, и обычно заявителю приходится выбирать, которое из доступных средств правовой защиты использовать (см. постановление Суда от 24 января 2017 года по делу «Копривникар против Словении» (*Koprivnikar v. Slovenia*), жалоба № 67503/13, пункт 35, постановление Суда от 16 сентября 2014 года по делу «Шкориц против Венгрии» (*Szkorits v. Hungary*), жалоба № 58171/09, пункт 23, постановление Суда от 9 апреля 2013 года по делу «Абди против Соединенного Королевства» (*Abdi v. the United Kingdom*), жалоба № 27770/08, пункт 50; постановление Суда от 28 апреля 2009 года по делу «Каракó против Венгрии» (*Karakó v. Hungary*), жалоба № 39311/05, пункт 14).

253. В постановлении по делу «Мостипан против России» (*Mostipan v. Russia*) (жалоба № 12042/09, пункт 41, 16 октября 2014 года), в котором заявитель просила следственный орган возбудить уголовное дело в отношении предполагаемых преступников, Суд признал, что она не была обязана подавать отдельную гражданскую жалобу на предполагаемое бездействие органов прокуратуры. Аналогичный подход был применен в постановлении по делу «Ройгас против

Эстонии» (*Rõigas v. Estonia*) (жалоба № 49045/13, пункты 73-83, 12 сентября 2017 года).

254. В настоящем деле, в котором второй и третий заявители активно участвовали в производстве по уголовному делу по факту смерти Магнитского (см. пункты 106, 112, 121 и 122 выше), было бы чрезмерным требовать от них использовать гражданское средство правовой защиты после того, как уголовное дело было закрыто. Это особенно верно в отсутствие доказательств того, что указанное Властями гражданское средство правовой защиты отвечало требованиям эффективности (см., *mutatis mutandis*, упоминаемое выше постановление по делу «Коряк против России», пункт 91). Соответственно, Суд отклоняет возражение Властей относительно неисчерпания внутригосударственных средств правовой защиты.

255. Суд также отмечает, что рассматриваемая жалоба не является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции и не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, жалоба должна быть признана приемлемой.

2. Существо жалобы

(а) Соблюдение Государством обязательства по защите жизни

(i) Общие принципы

256. Применимые общие принципы были изложены в постановлении Большой Палаты по делу «Центр правовых ресурсов от имени Валентина Кампеану против Румынии» (*Centre for Legal Resources on behalf of Valentin Câmpeneanu v. Romania*) (жалоба № 47848/08, пункты 130-31, ECHR 2014); постановлении Суда от 27 ноября 2014 года по делу «Карсакова против России» (*Karsakova v. Russia*) (жалоба № 1157/10, пункты 46-49); постановлении Суда от 3 февраля 2011 года по делу «Геппа против России» (*Geppa v. Russia*) (жалоба № 8532/06, пункты 68-72); и в постановлении Суда по делу «Слимани против Франции» (*Slimani v. France*) (жалоба № 57671/00, пункты 27-32, ECHR 2004-IX (извлечения)).

(ii) Применение вышеизложенных принципов к настоящему делу

257. Суд изначально отмечает, что Власти сделали два утверждения. С одной стороны, они настаивали на том, что первый заявитель получил необходимое лечение в следственных изоляторах, а с другой стороны, они перечислили большое количество недостатков в оказанной ему медицинской помощи (см. пункты 244 и 245 выше), добавив, что в любом случае ни один из этих недостатков не привел к смерти Магнитского.

258. Суд считает, что значительный объем медицинских доказательств свидетельствует о том, что медицинская помощь, полученная Магнитским во время содержания под стражей, была недостаточной.

259. Во-первых, из заключений экспертов следует, что он не сдавал необходимые медицинские анализы и не проходил обследования, в том числе: ультразвуковое исследование (см. пункты 101 и 128 выше), ЭКГ (см. пункт 128 ранее), анализы крови и мочи (см. пункты 127 и 128 выше). В результате медицинский персонал запоздало узнал о тяжести состояния его здоровья и потерял время, чтобы оказать эффективную помощь.

260. Во-вторых, Магнитский не консультировался с хирургом несмотря на то, что такая консультация была назначена 24 августа 2009 года (см. пункты 68 и 101 выше). Эта консультация была особенно важна ввиду его постоянно ухудшающегося состояния, что, среди прочего, подтверждалось усиливающейся болью. Хирург должен был повторно оценить состояние здоровья Магнитского и его необходимость в лечении, например, в срочной холецистэктомии, и, с учетом острого состояния Магнитского, изменить принятое в июле 2009 года решение о проведении этой процедуры позже в «плановом порядке». С учетом полученных от экспертов доказательств, отсутствие консультации с хирургом и, как следствие, неспособность своевременно выполнить хирургическую процедуру, вполне могли значительно способствовать смерти Магнитского.

261. В-третьих, первый заявитель, являвшийся тяжело больным человеком, страдающим от постоянной сильной боли и от других серьезных симптомов, содержался в следственном изоляторе № 77/2, который не смог удовлетворить его медицинские потребности из-за нехватки персонала (см. пункт 102 выше), отсутствия медицинского оборудования и отсутствия специализированной медицинской подготовки и квалификации медицинского персонала изолятора (см. пункты 70 и 114 выше). Никаких значимых медицинских записей не велось, и Магнитский не получал лечение в течение первых шести недель его пребывания в этом учреждении (см. пункты 66, 128 и 245 выше). Ситуация пациента усугублялась переполненностью изолятора (см. пункт 100 выше).

262. Кроме того, Суд считает особенно неадекватными попытки властей справиться с чрезвычайной ситуацией 16 ноября 2009 года, кульминацией которой стала смерть первого заявителя. Администрация изолятора не отреагировала на эту чрезвычайную ситуацию надлежащим образом. Суд напоминает, что решение о незамедлительном переводе Магнитского в больницу следственного изолятора № 77/1 было принято в 9:30 16 ноября 2009 года. Тем не менее, скорую помощь вызвали лишь в 14:30 того же дня. Хотя

бригаде скорой помощи потребовалось менее тридцати минут, чтобы прибыть к изолятору № 77/2, ее членам пришлось ждать сопровождения на объект еще два часа и тридцать пять минут. Первый заявитель покинул следственный изолятор № 77/2 лишь около 17:10 (см. пункт 80 выше). В отсутствие каких-либо объяснений со стороны Властей, эти задержки были неоправданно длительными и явно неадекватными в столь серьезной ситуации, требовавшей неотложной медицинской помощи.

263. Наконец, Суд отмечает отсутствие полных и непротиворечивых медицинских записей с подробным описанием последних часов жизни первого заявителя (см. пункты 128 и 138 выше). Он также придает большое значение комментарию Властей о том, что Магнитский не получал подходящих успокоительных, внутривенной жидкости и кардиостимулирующей терапии (см. пункт 245 выше).

264. Что касается утверждения Властей об отсутствии связи между смертью первого заявителя и недостатками в его медицинском лечении, то Суд отмечает, что предметом его рассмотрения в настоящем деле является то, выполнили ли национальные власти свое обязательство по защите его жизни, своевременно путем оказания ему надлежащей медицинской помощи, а не вопрос о причинной связи, наличие которой Власти поставили под сомнение (аналогичную аргументацию см. в постановлении Суда от 4 мая 2017 года по делу «Мустафаев против Азербайджана» (*Mustafayev v. Azerbaijan*), жалоба № 47095/09, пункт 65).

265. При таких обстоятельствах Суд приходит к выводу о том, что, лишив Магнитского необходимой медицинской помощи, внутригосударственные органы власти необоснованно подвергли его жизнь опасности. Таким образом, государство не выполнило свое позитивное обязательство, предусмотренное статьей 2 Конвенции.

(б) Соблюдение Государством обязательства по проведению эффективного расследования

(i) Общие принципы

266. Применимые общие принципы были вкратце изложены в упоминаемом выше постановлении по делу «Нина Куценко против Украины» (пункты 124-30); в упоминаемом выше постановлении по делу «Мустафаев против России» (пункты 71-73); и в упоминаемом выше постановлении по делу «Геппа против России» (пункт 86).

(ii) Применение вышеизложенных принципов к настоящему делу

267. Суд изначально отмечает, что через несколько часов после смерти Магнитского были предприняты меры для обеспечения доказательств. В частности, следователь провел осмотр места

происшествия и назначил проведение вскрытия (см. пункты 96 и 97 выше). В отличие от многих дел, в которых Суд критиковал российские власти за неспособность оперативно начать уголовное расследование по заявлениям о жестоком обращении (см. постановление Суда от 25 июля 2017 года по делу «Смоленцев против России» (*Smolentsev v. Russia*), жалоба № 46349/09, пункт 73; упоминаемое выше постановление по делу «Ситников против России», пункты 36-39, и постановление Суда от 24 июля 2014 года по делу «Ляпин против России» (*Lyapin v. Russia*), жалоба № 46956/09, пункт 137), и несмотря на то, что следственные органы изначально не выявили элементы, требующие возбуждение уголовного дела в случае Магнитского (см. пункт 103 выше) уголовное дело было возбуждено в течение восьми дней после его смерти. Эта задержка не представляется необоснованной.

268. В то же время, Суд считает, что власти не проявили необходимой тщательности при рассмотрении дела. Принимая во внимание выводы, содержащиеся в отчете ВПЧ (см. пункт 138 выше), Суд отмечает, что вскрытие, которое имело решающее значение при установлении фактов, связанных со смертью первого заявителя, носило поверхностный характер. Например, жидкость из глазного яблока и моча не были собраны для токсикологического обследования; обследование желчного пузыря и колотой раны на языке не проводилось; а исследование сердца, головного мозга и легких было недостаточно тщательным. Таким образом, не были решены важные вопросы (сравните с постановлением Большой Палаты по делу «Салман против Турции» (*Salman v. Turkey*), жалоба № 21986/93, пункт 106, ЕСПЧ 2000-VII, и постановлением Большой Палаты по делу «Джалуд против Нидерландов» (*Jaloud v. Netherlands*), жалоба № 47708/08, пункты 212-16, ЕСПЧ 2014). Несмотря на то, что некоторые недостатки могли быть в некоторой степени устранены путем проведения дополнительного патологоанатомического исследования, просьба третьего заявителя об этом была отклонена (см. пункт 97 выше). По мнению Суда, это серьезно подорвало эффективность расследования в целом.

269. Суд также отмечает, что 25 ноября 2009 года, т.е. на следующий день после возбуждения уголовного дела, адвокат первого заявителя попросил следственные органы получить видеозапись событий 16 ноября 2009 года (см. пункт 106 выше). Однако следователь потребовал от администрации следственного изолятора предоставить видеозапись лишь в феврале 2011 года (см. пункт 110 выше). Судя по всему, в результате этого возможность получения еще одного важного доказательства была упущена (сравните с упоминаемым выше постановлением по делу «Ситников против России», пункт 36; постановлением Суда от 14 марта 2017 года по делу

«Орлов и другие против России» (*Orlov and Others v. Russia*), жалоба № 5632/10, пункт 102; и с постановлением Суда от 21 июня 2016 года по делу «Мутаева и Исмаилова против России» (*Mutayeva and Ismailova v. Russia*), жалоба № 33539/12, пункт 67).

270. Суд также отмечает поверхностное описание обстоятельств смерти Магнитского в решении от 19 марта 2013 года о закрытии дела. Следственный орган не оценил должным образом реакцию медицинского персонала на стремительное ухудшение здоровья Магнитского 16 ноября 2009 года. В частности, следователи не приняли во внимание задержки в вызове скорой помощи и в переводе Магнитского в следственный изолятор № 77/1 (см. пункты 79 и 80 выше), а также в обеспечении доступа к нему бригады скорой психиатрической помощи (см. пункт 87 выше). Они также не смогли с достаточной точностью установить обстоятельства последних часов жизни Магнитского.

271. Кроме того, Суд истолковывает истечение срока давности для судебного преследования врача Л. как один из наиболее серьезных показателей неэффективности расследования. Уголовное дело по обвинениям, выдвинутым против врача Л., было прекращено, несмотря на то, что внутригосударственные органы власти установили, что она не смогла оказать первому заявителю надлежащую медицинскую помощь из-за отсутствия у нее требуемой квалификации (см. пункты 114 и 116 выше). Суд уже установил в ряде дел, в которых неспособность властей проявить усердие привела к истечению сроков давности, что эффективности расследования был нанесен непоправимый ущерб, а цель эффективной защиты от актов жестокого обращения не была достигнута (см., среди многих других прецедентов постановление Суда от 7 марта 2017 года по делу «В.К. против России» (*V.K. v. Russia*), жалоба № 68059/13, пункт 189, постановление Суда от 23 июля 2013 года по делу «Изчи против Турции» (*Izci v. Turkey*), жалоба № 42606/05, пункт 72; постановление Суда от 23 апреля 2013 года по делу «Язычи и другие против Турции (№ 2)» (*Yazıcı and Others v. Turkey* (по. 2)), жалоба № 45046/05, пункт 27; постановление Суда от 30 октября 2012 года по делу «Аблязов против России» (*Ablyazov v. Russia*), жалоба № 22867/05, пункты 57 и 59; постановление Суда от 1 июля 2010 года по делу «Никифоров против России» (*Nikiforov v. Russia*), жалоба № 42837/04, пункт 54, и постановление Суда от 25 июня 2009 года по делу «Беганович против Хорватии» (*Beganović v. Croatia*), жалоба № 46423/06, пункт 85). Как и в указанных выше делах, истечение срока давности непоправимо подорвало эффективность расследования в настоящем деле.

272. В свете вышеизложенного Европейский Суд считает, что власти не провели эффективного расследования предполагаемой медицинской халатности, повлекшей смерть первого заявителя.

Следовательно, Суд приходит к заключению о том, что было допущено нарушение статьи 2 Конвенции в ее процессуальном аспекте. Поэтому Суд не видит необходимости в рассмотрении вопроса о том, соответствовали ли другие аспекты расследования требованиям Конвенции.

VIII. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТОВ 1 И 2 СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

273. Второй и третий заявители утверждали, что уголовное дело в отношении Магнитского и его посмертное осуждение нарушили пункт 1 статьи 6 Конвенции. Кроме того, третий заявитель утверждала, что осуждение нарушило принцип презумпции невиновности, закрепленный в пункте 2 статьи 6 Конвенции. В соответствующей части эти положения гласят:

«1. Каждый... при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое... разбирательство дела...

2. Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления считается невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена в законном порядке».

A. Доводы сторон

1. Замечания властей

274. Власти утверждали, что уголовное дело в отношении Магнитского было возобновлено для защиты интересов второго и третьего заявителей, которые не дали согласия на прекращение дела, настаивали на рассмотрении ложных обвинений, предъявленных Магнитскому, и просили защитить его доброе имя. Власти подчеркнули, что два заявителя могли прекратить разбирательство в отношении Магнитского, дав согласие на закрытие дела. Однако власти не получили такого согласия и, следовательно, обязаны были продолжить разбирательство.

275. Власти также заявили, что у следственного органа не было иного выбора, кроме как передать дело в суд первой инстанции, поскольку только суд был компетентен вынести решение о вине или невиновности Магнитского. Двое заявителей получили возможность участвовать в судебном процессе, но они отказались от участия. Права Магнитского были должным образом защищены назначенным судом адвокатом. Двое заявителей не обжаловали решение суда первой инстанции. С учетом вышеизложенного Власти утверждали, что жалоба является явно необоснованной и поэтому должна быть отклонена.

2. Доводы заявителей

276. Заявители не согласились с Властями. Они утверждали, что посмертное разбирательство было начато против их воли. Они хотели, чтобы дело было закрыто. Посмертное расследование и судебный процесс не были справедливыми и нарушили принцип презумпции невиновности, поскольку первый заявитель не мог изложить свою позицию, заявить о своей невиновности, допросить свидетелей и так далее. Отказ в правосудии был особенно вопиющим, поскольку Магнитский умер, когда уголовное дело в его отношении все еще находилось на ранних стадиях расследования. Заявители ссылались на Постановление № 16-П Конституционного Суда РФ, которое разрешает посмертное разбирательство только по просьбе семьи подозреваемого с целью его реабилитации. Однако цель уголовного производства в отношении Магнитского заключалась в том, чтобы признать его виновным.

Б. Оценка Суда

1. Приемлемость жалобы

277. Власти не оспаривали статус жертвы второго и третьего заявителей. Тем не менее, Суд считает, что необходимо рассмотреть вопрос о том, могут ли они утверждать, что они являются жертвами предполагаемых нарушений.

278. Суд уже устанавливал, что, если смерть или исчезновение непосредственной жертвы в обстоятельствах, приводящих к ответственности Государства, предшествует подаче жалобы в Суд, любое другое лицо, имеющую тесную связь с потерпевшим, имеет право подать такую жалобу, в частности, в отношении нарушений статей 2 и 3 Конвенции. Суд также постановил, что ближайшие родственники могут в исключительных случаях иметь право на подачу жалобы на нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции, если она связана с жалобой на нарушение статьи 2 Конвенции в связи со смертью или исчезновением жертвы, ответственность за которое несет государство (см. постановление Суда от 22 декабря 2015 года по делу «Лыкова против России» (*Lykova v. Russia*), жалоба № 68736/11, пункты 63-66, и постановление Суда от 19 декабря 2017 года по делу «Хайруллина против России» (*Khayrullina v. Russia*), жалоба № 29729/09, пункт 91). Ту же логику можно применить к жалобе на нарушение статьи 6 Конвенции, если вышеупомянутые критерии соблюдены, то есть, если человек умер в ходе уголовного разбирательства против него или если смерть произошла в обстоятельствах, указывающих на ответственность государства.

279. Возвращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Суд отмечает, что он уже установил, что Магнитский скончался в заключении в результате неоказания ему важной медицинской помощи в нарушение позитивных обязательств государства по статье 2 Конвенции (см. пункт 265 выше). Он содержался под стражей в рамках уголовного производства, которое закончилось его посмертным осуждением (см. пункт 157 выше). Суд считает, что жалобы заявителей на нарушение статьи 6 Конвенции в связи с посмертным судебным разбирательством связаны со смертью их родственника, и поэтому они могут утверждать, что являются жертвами предполагаемых нарушений.

2. Существо жалобы

(а) Предполагаемое нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции

280. Фундаментальный аспект права на справедливое судебное разбирательство заключается в том, что разбирательство по уголовному делу должно быть состязательным и что должно обеспечиваться равенство сторон обвинения и защиты. Суд уже устанавливал, что в интересах обеспечения справедливого и беспристрастного производства по уголовному делу самым важным аспектом является присутствие обвиняемого в суде (см. постановление Суда от 26 апреля 2016 года по делу «Кашлев против Эстонии» (*Kashlev v. Estonia*), жалоба № 22574/08, пункт 37; постановление Суда от 22 сентября 1994 года по делу «Лала против Нидерландов» (*Lala v. the Netherlands*), пункт 33, Серия А № 297-А; и постановление Суда от 23 ноября 1993 года по делу «Пуатримоль против Франции» (*Poitrimol v. France*), пункт 35, Серия А № 277-А), и что обязанность гарантировать право обвиняемого по уголовному делу присутствовать в зале суда (либо во время первоначального разбирательства, либо на повторном слушании) считается одним из основных требований статьи 6 (см. постановление Суда от 24 марта 2005 года по делу «Стоичков против Болгарии» (*Stoichkov v. Bulgaria*), жалоба № 9808/02, пункт 56). Несмотря на то, что это явным образом не упомянуто в пункте 6 статьи 1, предмет и цель статьи в целом состоят в том, что лицо, «которому предъявлены обвинения в совершении преступления», имеет право на принятие участия в слушании (см. постановление Большой Палаты по делу «Эрми против Италии» (*Hermi v. Italy*), жалоба № 18114/02, пункт 59, ECHR 2006-XII). Отказ в возобновлении разбирательства, проведенного в отсутствие обвиняемого, без каких-либо указаний на то, что обвиняемый отказался от своего права присутствовать на судебном процессе, был признан «вопиющим отказом в правосудии», делающим разбирательство «явно противоречащим положениям статьи 6 или

закрепленным в ней принципам» (см. постановление Большой Палаты по делу «Сейдович против Италии» (*Sejdovic v. Italy*), жалоба № 56581/00, пункт 84, ECHR 2006-II, и упоминаемое выше постановление по делу «Стоичков против Болгарии», пункты 54-58).

281. Суд над умершим явно противоречит вышеуказанным принципам, поскольку по самой своей природе он несовместим с принципом равноправия сторон и всеми гарантиями справедливого судебного разбирательства. Более того, само собой разумеется, что невозможно наказать человека, который умер, и в этом смысле процесс уголовного правосудия заходит в тупик. Любое наказание, назначенное умершему человеку, нарушает его достоинство. Наконец, суд над умершим лицом противоречит предмету и цели статьи 6 Конвенции, а также принципу добросовестности и принципу эффективности, присущему этой статье.

282. Возвращаясь к аргументам Властей, Суд признает, что необходимость судебного рассмотрения уголовных обвинений может возникнуть даже в отношении умершего лица, в частности, в случае реабилитационного производства, целью которого является исправление ошибочного осуждения. Суд повторяет доводы второго и третьего заявителей о том, что они никогда не давали согласия на продолжение уголовного разбирательства в отношении покойного Магнитского, и поэтому решение властей продолжить производство по уголовному делу противоречило положениям Уголовно-процессуального кодекса в толковании Конституционного Суда, приведенного в постановлении № 16-П (см. пункт 167 выше). Признавая важную роль Конституционного Суда РФ в установлении правил, регулирующих посмертное уголовное судопроизводство, а также, не упуская из виду, что Конституционный Суд признал реабилитацию в качестве цели продолжения уголовного судопроизводства (см. пункт 169 выше), Суд не видит необходимости в рассмотрении доводов заявителей. Суд считает, что судебное разбирательство не должно приводить к риску посмертного осуждения лица, вина которого не была установлена судом при жизни.

283. В свете вышеизложенных замечаний Суд приходит к выводу о том, что посмертное разбирательство в отношении Магнитского, завершившееся его осуждением, нарушило требования пункта 1 статьи 6 Конвенции в связи с его несправедливостью. Таким образом, Суд полагает, что в настоящем деле было допущено нарушение указанного выше положения Конвенции.

(6) Предполагаемое нарушение пункта 2 статьи 6 Конвенции

284. Суд отмечает, что одной из основополагающих норм уголовного права является то, что уголовная ответственность не переживает лицо, совершившее преступное деяние (сравните с

постановление Большой Палаты от 28 июня 2018 года по делу «Г.И.Е.М. С.Р.Л. и другие против Италии» (*G.I.E.M. S.R.L. and Others v. Italy*), жалоба № 1828/06 и 2 другие жалобы, пункты 271-72; упоминаемое выше постановление по делу «Вулах и другие против России», пункт 34; постановление Суда от 29 августа 1997 года по делу «А.П., М.П. и Т.П. против Швейцарии» (*A.P., M.P. and T.P. v. Switzerland*), пункт 46 и 48, Сборник постановлений и решений 1997-V; и постановление Суда от 29 августа 1997 года по делу «Е.Л., Р.Л. и Дж.О.-Л. против Швейцарии» (*E.L., R.L. and J.O.-L. v. Switzerland*), пункты 51 и 53, Сборник 1997-V) и что эта норма является гарантией презумпции невиновности, закрепленной в пункте 2 статьи 6 Конвенции (сравните с упоминаемым выше постановлением по делу «А.П., М.П. и Т.П. против Швейцарии», пункт 48, и с упоминаемым выше постановлением по делу «Е.Л., Р.Л. и Дж.О.-Л. против Швейцарии», пункт 53). Указанная выше норма была нарушена в настоящем деле, поскольку первый заявитель не предстал перед судом и был осужден посмертно. Принимая во внимание вышеизложенное и выводы в пункте 281 выше о том, что судебный процесс над умершим неизбежно нарушает все гарантии статьи 6 Конвенции, Суд приходит к выводу о том, что имело место нарушение пункта 2 статьи 6 Конвенции.

IX. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

285. Статья 41 Конвенции предусматривает следующее:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Ущерб

286. Второй и третий заявители требовали компенсации морального вреда, оставив определение размера компенсации на усмотрение Суда.

287. Власти также оставили данный вопрос на усмотрение Суда.

288. Суд присуждает двум заявителям совместно 34 000 евро по данному пункту, включая любой налог, которым может облагаться данная сумма.

Б. Расходы и издержки

289. Заявители не выдвигали требований в отношении возмещения судебных издержек и расходов. Соответственно, Суд не присуждает ничего по этому пункту.

В. Проценты за просрочку платежа

290. Суд считает приемлемым, что проценты за просрочку платежа должны быть установлены в размере, равном предельной учетной ставке Европейского Центрального банка, плюс три процентных пункта.

Х. СТАТЬЯ 46 КОНВЕНЦИИ

291. Второй и третий заявители также просили Суд предписать принятие мер индивидуального и общего характера с тем, чтобы помочь государству-ответчику выполнить свои обязательства по исполнению окончательного постановления Суда. В частности, они предложили Суду попросить государство-ответчика создать независимую комиссию по расследованию обстоятельств смерти Магнитского; публично извиниться за отказ в правосудии; внести изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации с целью обеспечения эффективного доступа к независимым медицинским освидетельствованиям и сохранения доказательств; и провести законодательную реформу, предотвращающую посмертные разбирательства против воли родственников обвиняемого. При этом они ссылались на статью 46 Конвенции.

292. Власти никак не прокомментировали данный вопрос.

293. В части, имеющей отношение к настоящему делу, статья 46 Конвенции предусматривает следующее:

«1. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются соблюдать окончательные постановления Суда по делам, в которых они являются сторонами.

2. Окончательное постановление Суда направляется в Комитет Министров, который осуществляет надзор за его исполнением».

294. Суд отмечает, что в статье 46 Конвенции Высокие Договаривающиеся Стороны обязались соблюдать окончательные постановления Суда по делу, сторонами которого они являлись; при этом надзор за исполнением постановлений осуществляется Комитетом министров. Из этого также следует, что постановление, в котором Суд устанавливает нарушение Конвенции, налагает на государство-ответчика правовое обязательство не только по выплате в

пользу соответствующих лиц каких-либо сумм, присужденных в качестве справедливой компенсации, но и по выбору, под надзором Комитета министров, подходящих мер индивидуального характера для выполнения своих обязательств по обеспечению прав заявителя (см. постановление Суда от 12 апреля 2011 года по делу «Глухакович против Хорватии» (*Gluhaković v. Croatia*), жалоба № 21188/09, пункт 85, и процитированные в нем дела).

295. Суд повторяет, что его постановления по сути носят декларативный характер, и что, в целом, в первую очередь именно государство-ответчик, действуя под надзором Комитета министров, выбирает средства для использования в своем национальном правопорядке с целью исполнения своих обязательств по статье 46 Конвенции, при условии, что эти средства соответствуют выводам, изложенным в постановлении Суда (см., там же, пункт 86, и процитированные в нем дела).

296. Лишь в исключительных случаях, с целью оказания государству-ответчику помощи в выполнении его обязательств по статье 46 Конвенции, Суд указывает тип мер, которые могут быть приняты с тем, чтобы положить конец установленному им нарушению (см., там же, пункт 87, и процитированные в нем дела).

297. Принимая во внимание обстоятельства настоящего дела, Суд не видит необходимости в указании каких-либо мер индивидуального или общего характера, которые государство должно принять для исполнения настоящего постановления.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО:

1. *решил объединить данные жалобы в одно производство;*
2. *постановил, что второй заявитель имеет право продолжать разбирательство вместо первого заявителя в соответствии со статьей 34 Конвенции;*
3. *объявил жалобу на нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции и жалобы, поданные третьим заявителем на нарушение статьи 3 Конвенции в связи с условиями содержания Магнитского под стражей и на нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции в связи с продолжительностью содержания под стражей, неприемлемыми, а остальную часть жалоб — приемлемой;*
4. *постановил, что было допущено нарушение статьи 3 Конвенции в связи с условиями содержания Магнитского под стражей;*

5. *постановил*, что было допущено нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции;
6. *постановил*, что было допущено нарушение статьи 3 Конвенции в связи с жестоким обращением с Магнитским со стороны охранников изолятора и отсутствием эффективного расследования по данному факту;
7. *постановил*, что было допущено нарушение статьи 2 Конвенции в связи с неспособностью властей защитить право Магнитского на жизнь и обеспечить эффективное расследование обстоятельств его смерти;
8. *постановил*, что было допущено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции;
9. *постановил*, что было допущено нарушение пункта 2 статьи 6 Конвенции;
10. *постановил*:
 - (а) что в течение трех месяцев со дня вступления настоящего постановления в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции власти государства-ответчика должны выплатить второму и третьему заявителям 34 000 (тридцать четыре тысячи) евро в валюте государства-ответчика по курсу, установленному на день выплаты, а также любые налоги, которыми может облагаться данная сумма, в качестве компенсации морального вреда;
 - (б) что с момента истечения вышеуказанного трехмесячного срока до момента выплаты компенсации на вышеуказанную сумму будут начисляться простые проценты в размере, равном предельной учетной ставке Европейского Центрального Банка в течение периода просрочки, плюс три процентных пункта;
11. *отклонил* требование заявителей по статье 46 Конвенции.

Совершено на английском языке; уведомление о постановлении направлено в письменном виде 27 августа 2019 года в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Стефен Филлипс
Секретарь

Винсент Э. Де Гаетано
Председатель